

ЮРИЙ НИКИТИН

ЧЕЛОВЕК С ТОПОРОМ

ТРОЕ ИЗ ПЕСА

Юрий Александрович Никитин
Человек с топором
Серия «Трое из леса», книга 17

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=127958
Человек с топором: Эксмо; Москва; 2007
ISBN 978-5-699-21603-1*

Аннотация

Что значат для них драконы, маги, волшебники, колдуны, великаны вместе со своим пресловутым могуществом? Даже на богов эти Трое – Мрак, Олег и Таргитай сумели найти управу! Но то, что сломило сильнейшего из троих – Таргитая, теперь плющит интеллигентного Олега, давит Мрака...

Но раздавит ли?

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	16
Глава 3	39
Глава 4	67
Глава 5	88
Глава 6	115
Глава 7	139
Глава 8	161
Конец ознакомительного фрагмента.	179

Часть первая

Глава 1

Дверь на кодовом замке, но рядом в бетонной стене глубоко процарапаны три цифры. Для верности продублированы прямо на двери острием ножа. В чуткий волчий нос шибануло запахом застоявшейся мочи. Пол мокрый, а под стеной с почтовыми ящиками вообще широкая зловонная лужа.

Стены, как водится, в матюгах, телефонных номерах и кратких, но выразительных мнениях жильцов младшего поколения друг о друге. Морщась, Мрак ткнул пальцем в кнопку лифта. В невидимой шахте долго гремело, стонало, грекало. Из двух лифтов исправен один, прибыл не скоро, а когда распахнул дверцы, Мрак шагнул как в темную пещеру. На ощупь отыскал нужную кнопку. Стены лифта, ессно, изукрашены матом, славословиями в адрес «Спартака», засижены прилепленными комочками жвачки, что создавало сюрреалистическую картину стен, покрытых созревшими чирьями.

На двенадцатом он вышел прямо на сообщение: «Здесь живет Аня. За десять баксов с аналом!», прошел по загроможденному старой мебелью и разной дрянью коридору. Две обшарпанные двери, чутье подсказало, что лучше в левую, мужчины всегда предпочитают налево, позвонил, выждал,

позвонил снова. Никто не ответил, он мощно бухнул кулаком. По ту сторону испуганно отозвалось эхо.

Дверь отворилась, когда он собирался ударить ногой. Из помещения пахло спертым воздухом, прокисшим супом, давно не мытыми телами. В прихожей с металлическим звоном носятся крупные, как пули, зеленые мухи. Теперь таких встретишь только в дальних селах на скотофермах.

В щель со злостью смотрела толстая неопрятная баба. Дверь не отпускала, Мрак хмуро уставился на помятое лицо с багровыми пятнами. У бабы, даже бабищи, воспаленные веки настолько распухли, что покрасневшие белки глаз можно разглядеть только в щелочки.

– Чо? – спросила она сиплым пропитым голосом. – Собутыльник?

– Ага, – ответил Мрак. – Наливай!

Он дернул дверь, оттеснил хозяйку плечом. Баба спорить не решилась, только бурчала за спиной, такого попробуй останови, он слышал ее шлепающие шаги, словно следом шла вылезшая из воды гигантская утка. На кухне в нос ударил уже знакомый кислый запах. Его передернуло от горы немытой посуды на столе и в раковине. Проходя, с силой толкнул створки окна. Шпингалеты вылетели, в помещение ворвался свежий воздух.

Струи воздуха сдвинулись только сейчас, ноздри уловили знакомое, он пошел по запаху. В третьей комнате, самой дальней, на измятой постели раскинулся одетый муж-

чина с красными всклокоченными волосами. В ботинках, на подошвах присохшая глина. Брюки испачканы красным соусом, измятая и грязная до безобразия рубашка в пятнах. Небритое опухшее лицо в таких же синюшно-багровых пятнах, как и у бабы.

Мрак придвинул ногой стул и, не отрывая взгляда от страшного испитого лица, сел. Под ногами загремели пустые бутылки. Запах спиртного стал мощнее. Олег не шелохнулся, покрасневшие зеленые глаза бессмысленно смотрят в потолок, лицо постарело, обрюзгло. Ага, это по-ученому называется депрессия. Только не в пещере, не в поисках Истины, какие поиски с той толстой бабой, здесь уже не поиски, а как бы все взад, наоборот. В смысле, отвернуться и поскорее забыть, что нашел. Увы, похоже, в самом деле что-то такое нашел, что забыть хочется, но память такая штука хитрая...

– Живой еще?

Олег даже не качнулся от могучего толчка. Мрак с недоумением посмотрел на костяшки пальцев. Показалось, что ткнул чугунную статую.

– Ты что? – сказал Мрак зло. – Хошь, нашатыря принесу? Или сразу ведро с аммиаком?.. Я к тебе за помощью пришел, а тебя самого кто бы спас.

Олег наконец повернул голову в его сторону. Мрак содрогнулся. Опухшая морда стала вдвое шире, щеки обвисли, нос сизый, а печальные глаза волхва... надо признаться, в хорошие дни малость умные, сейчас тупые и сонные.

Олег раздвинул губы, из пересохшего горла выползло что-то сиплое. Мрак прислушался, но волхв всего лишь пытался прочистить горло, словно оно покрылось толстой коркой ржавчины.

– Мрак... – донеслось хриплое, – Мрак... как мне хочется обратно...

– Куда, – спросил Мрак обрадованно, умное чудо заговорило, даже бить не пришлось, – в... ну, эту... фаллопиеву трубу?

– В привычный мир, – прошептал Олег. – Где ничто не менялось. Снова замки, драконы, принцессы, колдуны и эльфы... Ничего нового, все знакомо, привычно. Наперед знаешь, где и как, кого чем, что и за что... И какой твой поступок верен, какой – нет.

Мрак ногой придвинул стул, сел. Олег смотрел измученными глазами.

– Да ты только спроси, – предложил Мрак. – Я вот он!.. Я те щас, как оракул, враз расскажу, за какой такой поступок тебя в котел с кипящей смолой, а за какой – ангельские крылья... и, ессно, в суп.

– Мрак, какой ты злой.

Мрак сказал сердито:

– А ты чо мелешь, чо мелешь? Африку, видишь ли, открыл! Думаешь, мне не хотелось взад? Мне еще больше. Это тебя в том мире били, клевали, лягали, бодали и кусали, а я там сам бил, клевал, бодал. А иногда и топтал всласть. Прав-

да, иногда и меня, но я – чаще. А здесь чаще – меня. Но счастье чуем только от баланса в свою пользу, верно?.. Однако ж мы здесь. Значит, для чего-то мы есть? Во, почти в рыфму!

– Для чего?

– Кто у нас мудрый? Ты и ответь.

– Это бездна, – проговорил Олег дрогнувшим голосом. – Мрак, я боюсь туда заглядывать!.. Один раз уже заглянул, каждую ночь просыпаюсь с криком. Ни одна женщина меня не выносит...

– Еще бы, – согласился Мрак, – визг у тебя что надо. Как-то я поросную свинью резал тупым ножом...

– Меня мучают кошмары, – объяснил Олег тускло. – Когда пьюсь, отходят малость. Ну, и то счастье...

– Ага, счастье. А куда боишься...

Олег с трудом подвигался, лег поудобнее. Было видно, что ему трудно шевелиться, словно весит тонну. А то и не одну. А может, и весит. Хотя вряд ли, кровати сейчас хлипкие.

– В истину, – сказал он хрипло. – Я увидел мир таким, какой он есть. Помнишь, мы как-то смеялись, что Пушкин, попади в наш мир, либо спился бы, как вот я, либо вовсе покончил бы с собой. Мол, как вынести мир, где нельзя крепостных драть на конюшне, а девок пользоваться для половых нужд, их, дур, не спрашивая?.. Царя нет, всякое быдло – тоже человек! Но до Пушкина рукой подать, ему в нашем мире было бы легче, чем мне в том... который я увидел...

Голос прервался. Мрак опустил широкую ладонь на исху-

давшее, но твердое, как чугун, плечо. Голос его прогудел, могучий, густой, полный любви и участия:

– Не бойся, я с тобой.

– Да, Мрак, – прошептал Олег. – Ты здесь... а это уже надежно.

От ладони друга в замороженное страхом тело пошло оживляющее тепло. Стянутые в комок нервы начали робко подрагивать. За последнее время почти превратились в камень, но сейчас там задержалось, оживая.

– Я здесь, – сказал Мрак настойчиво. – Помнишь, мы трое вышли из Леса?

– Помню. Тогда другое...

– Да? А для меня и тогда было... гм... когда вышли в Степь, то... до сих пор помню! Мы ж решили тогда, что уже Край Света. Как же, Лес кончился! Деревьев нету. Дальше – пустота. Как мы трусили сделать шагок дальше... в эту пустоту!.. С каким трудом в наших черепашках уложилось, что та жуть, которая началась за Лесом, вовсе не конец Вселенной... а всего лишь Степь. И в той Степи тоже человеки. Да еще такие тупые придурки, никак не верили, что в Лесу можно жить... И что даже живут!

Олег сказал вяло:

– Да помню, помню. И Степь, и Пески, и Горы... Но сейчас я в самом деле увидел весь мир таким, какой он есть на самом деле!

Мрак встал, как-то противно сидеть вот так, будто у по-

стели смертельно больного, подошел к окну. Рука с такой злостью дернула грязную занавеску, что веревочка лопнула, тряпка упала на пол. В комнату полился серый свет сумрачного дождливого дня.

Он обернулся, не зная, что сказать и возразить, это же волхв, с ним не потягаешься в мудрствованиях, в раздражении посмотрел по сторонам, что бы сломать или разбить, не нашел, хлопнул себя ладонью по лбу:

– А ты уверен?

– В чем?

– Что ты в самом деле, – сказал он медленно, слова тянулись, словно жила из задней ноги тура для будущей тетивы, – что в самом деле... увидел... настоящую картину?

Олег буркнул, не особенно вслушиваясь в его слова:

– Конечно.

Мрак остался у окна, свет падал сзади, оставив лицо в тени. Черные волосы вспыхнули жутковатым ореолом. И еще на темном лице блеснули глаза.

– Размечтался, настоящую... Птоломей тоже... – помнишь того мужика?... – чуть не рухнулся, когда увидел ту жуть, что сам же и создал. Ну, когда из плоской Земли сделал круглую, а затем и вовсе слепил из нее шар. Ни тебе привычных трех слонов, ни черепахи... Жуть! Как же люди вверх ногами на той стороне ходят и не падают?... По-моему, он тогда не то в отшельники ушел, не то все же кукукнулся... Ходил по дорогам, пел, рассказывал свои видения... Он все

время ангелов зрел, помнишь? А народ тем временем с этой жутью свыкся. А еще через сто или тыщу лет, не помню, еще страшнее штуку придумал Коперник...

Олег смотрел на него пустыми мертвыми глазами. Голос был серый, подернутый пылью:

– Что Коперник... Увидел бы то, что увидел я...

– Неправда, – отрезал Мрак хладнокровно.

– Мрак, ты все такой же тупой...

– А мне плевать, – отрезал Мрак. – То, что ты видишь, – брехня на постном масле. Конечно, она ближе к правде, чем та, коперниковская, но ты не увидел настоящей правды! Та намного страшнее. Вот от той ты в самом деле пошел бы танцевать по дорогам, ушел бы в зеленые или рама-кришны... А эта, что ты увидел, так... пустячок. Вроде насморка. Или легкой чесотки.

Олег не слушал, так это казалось со стороны. Мрак с грохотом отшвырнул с дороги стул, тот зачем-то сунулся под ноги, пошел вышагивать от стены до стены. Острые уши подрагивали, сдавленное дыхание Олега меняется, да и запах чуть-чуть изменился...

– Бред, – проговорил Олег хрипло. – Просто бред.

– Бред у тебя, – возразил Мрак. – Олег, я не знаю, что за ужас ты увидел... Не смотри на меня так! Я не знаю, что ты видишь: месиво толкущихся электронов в пустоте или что-то еще, но это я – Мрак! Твой друг, мы с тобой шли через Лес, через Степь, громили дивные народы... Олег, весь мир

– придумка. Мы все видим не то, что на самом деле. И мы знаем, что видим не то. Добровольно соглашаемся видеть не то. Сами жаждем видеть не то!.. Ну скажи, кто видит, что Земля вертится вокруг Солнца? Да еще с такой бешеной скоростью? Прямо мельтешит! Все предпочитают видеть, что Земля неподвижная, стоит в центре мира! Это, мол, мелкое Солнце неспешно встает на востоке и двигается по дуге на запад... Да не смотри на меня так! Это я, Мрак, с которым мы с тобой в Лесу гуся ели, помнишь? Помнишь еще запах, хрустящую корочку, сладкий жир, что потек по пальцам, а ты жадно слизывал, чтобы ни одна капля не упала на землю?

Олег повернулся вниз лицом. Мрак видел только затылок, волосы отросли, как у попа или рок-музыканта. Уткнувшись в подушку, Олег проговорил глухо:

– Что ты про какого-то гуся?.. Нет никаких гусей. И не было. Так, сгустки силовых полей...

– Олег, – сказал Мрак авторитетно, – весь мир – иллюзия. Это я тебе говорю, как вроде бы маг. Или приятель мага. Мир – иллюзия, которую мы видим добровольно, а настоящую картину стараемся не зреть... Давно в мир вошли такие понятия... ты уж постарался! – как наука, техника, но люди все еще, как и тысячи лет тому, хотят свой мир ведьм, оборотней, привидений, полтергейста, бермудских треугольников, пришельцев! Косяками прут к знахарям, минуя врачей, верят в привороты, заговоры, шаманов, некие тайные силы, хотя теперь все это сменила наука, врачи... Да ты почитай

газеты! Особенно где объявления об услугах. Мы ведь тоже с тобой стараемся многие вещи не видеть! Нет, не так: предпочитаем видеть их в тех личинах, которые нам... выносимее. Нет такого слова? Тогда – комфортнее, если это слово может быть антитезой невыносимого.

– Ну, вот и я так... Куда ты закинул бутылку?.. Куда ты... Я ж не могу сейчас...

– Ты знаешь, – сказал Мрак настойчиво, – каким мир представляется этим людям, что живут вокруг нас. Мы видели, как в их представлении тот прошлый мир менялся в зависимости от вер, обычаев, даже моды. Вон даже такое простое понятие, как татаро-монгольское иго, что многие поколения проходили в школах, в нынешнем уже вызывает споры: в самом ли деле триста лет, было ли вообще, были ли татаро-монголы вовсе, а не была эта Золотая Орда просто неким русским княжеством?

Олег хмыкнул, Мрак ощутил, что задел некую струнку, он слышал о похождениях Олега в ту эпоху, волхв как раз не то вышел из очередной спячки, не то вернулся из дальних странствий, сил нерастраченных много, дурь тоже накопилась, надо бы как-то расспросить на досуге...

– Прими мир таким, какой он есть, – сказал он с жаром. – Нет, это не смогу даже я, но все-таки не заглядывай слишком далеко. И не видь... все что видится! Я тоже знаю, что теперь мы летим сквозь мертвый и холодный космос на крохотном глиняном шарике со скоростью пули, что температу-

ра вокруг – минус 273 по Цельсию, что все это когда-то рухнет... но я загнал это видение в самый дальний угол и даже дверь не запер, оно само страшится высунуть нос! И вот я сыт, пьян, доволен, не сжимаюсь в ужасе. Мир надо двигать по шажкам, Олег!.. И самим двигаться, как улитки.

Олег прохрипел:

– Но что делать, если я вижу...

– Не видь! – велел Мрак. – Не видь, и все. Видь то, что видел раньше. Да не смотри ты на меня так!.. Я – Мрак. Видь то, что видел всегда. Видь толстого и лохматого, волосатого, грубого, который все еще жрет сырое мясо... хотя предпочитает жареное, с аджикой, с лучком и дольками чесночка...

В глазах Олега что-то мелькнуло. Настолько мимолетное, что другой бы не заметил, но Мрак с его звериной реакцией поймал сразу, усилил нажим:

– Не видь! Встань, мне нужна твоя помощь. А то, что ты зришь все время сейчас... я ж по глазам вижу...

Плечи Олега зябко передернулись.

– Людям этого просто нельзя видеть! Пока еще нельзя.

– А мне?

Олега передернуло еще сильнее.

– Нет!

Мрак обиделся:

– Олег, ты считаешь меня придурком?

– Наоборот, – ответил Олег серьезно. – Придурку... или полному идиоту можно показать бы всю картину мира... ка-

кая она есть...

– Какой ты ее видишь, – поправил Мрак язвительно.

– ...какой я ее вижу, – согласился Олег, поморщившись. – Придурок, который и нынешней не видит, вообще ничему бы не удивился. А вот профессор астрономии... да что там астрономии, любой человек со знаниями и убеждениями тут же сойдет с ума. Для него это будет крушение всех его устоев, как научных, так и нравственных, жизненных, биологических...

Мрак заметил язвительно:

– Ты в самом деле полагаешь, что в нынешнем мире сохранились какие-то устои? Самое время явить миру правду. Ладно-ладно, я пошутил! Но сам бы я увидел мир, как видишь ты, совсем без дрожи в коленях. Seriously. А вот ты, похоже, кукукнешься. Зато со мной у тебя есть шанс остаться в своем рассудке.

– А ты?

– А меня поддержишь ты, – ответил Мрак не задумываясь.

– Иди ты!.. Видишь же, сам на ногах не держусь. За бутылку хватаюсь, как слесарь-водопроводчик.

Но на измученном лице проступили розовые пятна. В глазах заблестели сухие огоньки, словно на осколке слюды.

– Погоди... а в чем тебе нужна помощь?

– Вставай, бери оружие... У тебя что-нибудь есть?

– Я сам оружие, – ответил Олег.

Глава 2

Он попытался привстать, охнул, завалился навзничь. Лицо страшно исказилось. Мрак ухватил за плечи. Снова странное ощущение, что приподнимает разогретую на солнцепеке каменную плиту. Олег тяжело дышал, горячее дыхание обжигало кожу. Мраку показалось, что вот-вот на ладонях вздуются пузыри.

Наконец Олег сел, край кровати прогнулся, затрещал. Он явно старается согнать пьяную одурь, но непонятный страх снова заставлял нырять в спасительную дурь.

Мрак силой принудил встать, обнял за плечи, повел к выходу.

– Куда? – спросил Олег тупо.

– Рядом, – сообщил Мрак. – Через квартал новый ресторан открыли... Просто чудо! И готовят почти как люди, и не хамят... пока еще. Я уже обедал, проверил. Потом, конечно, скурвятся, так что надо в загул сейчас, пока из кожи лезут.

Олег остановился.

– Мрак, какой ресторан?

– Хороший, – сообщил Мрак убеждающе. – Я же сказал, просто замечательный. А какие там штучки на длинных ногах!

– погоди, – прервал Олег. – Ты сказал, что тебе нужна помощь...

– Я не сказал, что мне, – возразил Мрак. – Разве я такое сказал?

Олег подумал, ответил честно:

– Нет.

– Ну, вот видишь!

В прихожей наткнулись на бабу. Мрак указал ей взглядом, чтобы исчезла и не раскрывала рта, а то пришибет. Баба исчезла, как привидение, бесшумно и словно сквозь стену. Мрак вывел Олега на лестничную площадку, все время говорил громко, похохатывал, тормозил, и волхв потихоньку начал замечать, где он и что с ним, с трудом выпрямил спину, огляделся.

Двери лифта поползли в стороны. Олег, к удивлению Мрака, в темноте безошибочно попал в кнопку с номером «1», дверцы задвинулись. Долго ехали в темноте, Мрак успел рассказать три анекдота. Первый этаж, площадка, ступеньки, наконец из распахнутой двери навстречу ворвался свежий прохладный воздух.

Асфальт блестит, от него вниз уходит еще один, только уже перевернутый город. Мрак повел Олега по этой странной грани между зеркальными мирами. Половина неба в тучах, но западная часть очистилась, крупное багровое солнце тяжело сползает по синей тверди к белым-белым зданиям новостройки на горизонте. Блестит не только асфальт, дома все вымытые, пыль унесло в канализационные люки вместе с мусором, даже примелькавшиеся рекламы можно читать

снова.

Он все еще придерживал Олега. Редкие прохожие на них косились, эти гомосеки уж совсем распустились, Олег заметил взгляды, повел плечами, и Мрак послушно убрал руки. Он говорил бодрым приподнятым голосом, но чувствовал себя прегадко. За эти века приходилось видеть волхва истощенным, изможденным, израненным, умирающим от отчаяния или депрессии, но и тогда не было такого дикого ужаса в глазах, не слышалось такого отчаяния в голосе, не видел в глазах такой безнадеги.

– Жизнь хороша, – сказал Мрак бодро. – Какой воздух! Какое... словом, какое, понял? А женщины? Посмотри вон на эту... Ноги растут прямо от головы.

Олег буркнул:

– Значит, вместо головы задница?

Мрак ахнул:

– Ну и что? Так это же здорово!.. А чего тебе еще? Умную? Ну ты и урод... Извращенец!

Асфальт под ногами сменился широкими гранитными плитами. Надежными, под сверхтяжелым танком не просядут, шероховатыми, что придает подошвам хорошую устойчивость, не поскользнешься даже зимой.

Из переулка выползли, смешно размахивая руками, как взлетающие гусята крылышками, трое малышей на роликах. Двое гнались за передним, догнали, окружили. До Олега донесли возбужденные голоса:

– А ну, покаж!

– А в самом деле...

– Смотри, шевелятся!

– Ух ты, в самом деле шевелятся! А я думал, брешет...

– Коль, а Коль? Как ты это делаешь?

И солидный тонкий голосок, вибрирующий от гордости, от упоения счастьем, от осознания, что он может то, что другие не могут:

– Вы, лохи!.. Сперва почувствуйте. Не пытайтесь шевелить тем, чего нет. Сперва замрите, ясно? Почувствуйте... ну, почувствуйте то, чем еще никогда не шевелили. Это и есть мускулы для шевеления ушами...

– А у меня не получается!

– Ха, сразу рекорды не бьют...

Косые солнечные лучи озаряли массивное здание, высветивая каждую щелочку между камнями. Над входом в ресторан почему-то горел яркий свет. Еще выше по огромному экрану бежали голые девки: выскакивали из-за края и пробежали так быстро, что ну никак не подвести хозяина ресторана под статью о безнравственности. Но оставалось впечатление, что если войти в это заведение, то увидишь, как они там бегают. И какая-нибудь сослепу вбежит тебе прямо в объятия.

Из распахнутых настежь дверей, что с каждым шагом все шире и шире, громкая горячая музыка. Запахи жареного мяса пахнули сильно, перед глазами вспыхнули картинки лесного костра, где на вертеле целиком освежеванный

олень, раскаленные камни на берегу океана, жарятся огромные омары, а вот пахучие палочки жертвенных храмов...

Швейцар поклонился и почтительно отступил. Крепкие ребята в холле не сдвинулись с мест, влиятельных людей чуют издали. Кроме того, Мрака, похоже, здесь уже в самом деле знают. Олег пытался оглядеться: прямо – бар, на высоких стульях томятся в ожидании клиентов длинноногие красотки, справа и слева залы со столами, но вон лестница наверх, там явно картежники, видны ступеньки в полуподвал, оттуда доносятся сухие щелчки костяных шаров.

– Сюда, – сказал Мрак бесцеремонно.

Навстречу спешил метрдотель, элегантный и важный барин, улыбался радушно, словно встретил дорогих и давних друзей. Все верно, Мрак здесь, судя по довольному виду метрдотеля, частый гость. Или, по крайней мере, заметный.

Им с поклоном предложили занять любой из вон тех двух столиков подальше от эстрады, такие господа не выносят электронного рева этих молокососов. К тому же удалено от кухни, зато прекрасный вид из окна. Кстати, только что поступила изумительная семга из Норвегии...

– Семга? – спросил Мрак. – С нее и начнем. И вообще, пусть парни подсуеются насчет холодной закуски.

Стол на четверых, белоснежная скатерть, белые пирамидки свернутых салфеток, но, когда Мрак поставил на столешницу локти, стало ясно, что этот стол только на двоих, да и то не слишком.

Олег опустил­ся в кресло с отсутствующим видом, так са­дился и на глыбу камня в пещере, и на пень в лесу, и на ко­ролевский трон в Баварии.

– Основное дей­ствие, – проговорил он медлен­но, продол­жая раз­говор с середины, – что пронизывает мир... от галак­тик и до амеб... нет, до строения атома... и даль­ше... это – стремление к порядку. К упорядоченности. Вон, смотри, как он кладет ложки...

Соседний стол после ухода гостей быстро прибрали, наве­ли блеск, один официант молниеносно расставил накрахма­ленные салфетки, похожие на занесенные снегом шалаши, другой расклады­вал ложки перед каждым сиденьем.

Мрак хохотнул заинтересованно:

– Верно!.. Так и у нас в Лесу расклады­вали. Только у нас были деревянные.

– Вот-вот. Откуда это? Почему эта симметрия пронизыва­ет все: галактику, людей, траву, насекомых, атомы?.. Почему ты, когда грызешь орехи, всегда выклады­ваешь из скорлупок разные фигурки?

– Не знаю, – ответил Мрак лег­комысленно. – Как-то так... Делать не фи­га, вот и выклады­ваю. Голова занята тем, что на твои мудрые вопро­сы отыскивает простые ответы, а вот руки сами по себе...

– В нас заложен этот мощнейший инстинкт к познава­нию, – сказал Олег напряженно. – А познавание начинается с систематики, с упорядочения, с подбора в какие-то группы,

фигуры. Даже мертвая материя собирается в кристаллы... Кстати, давно надо пересмотреть это глупое понятие «мертвая материя»... Все, что за пределами этих фигур, воспринимается как неупорядоченное, как Хаос. К своему упорядоченному начинаешь чувствовать симпатию, оно уже понятное, а к Хаосу – вражду, что естественно. А здесь ощути эту жажду Хаос превратить в Порядок!

Официант возник рядом и чуть сбоку, склонил голову и спину в полупоклоне:

– Выпить, покушать?

Олег не обратил внимания, Мрак отмахнулся:

– Принеси чо-нить холодное. Для аппетита. А жаркое потом, потом.

– Водочки? – спросил официант.

– Коньяк, – сказал Мрак. – Лучший, что у вас в забегаловке. А этому рыжему – шампанское. Он у нас благородный, только шампанское... Олег, ты у нас блага-а-а-родный?

Официант исчез, Олег вяло и растерянно сказал:

– Когда я сколачивал восточных славян в единое целое, я тогда был... ого-го как умен и мудр! Воистину Вещий, ибо прозревал все наперед. Для меня не было тайн, кто как поступит. Я этих людишек насмотрелся еще со времен киммеров, хеттов, гиксосов... Все державы строились одинаково, будь это на юге жаркой Индии или на Крайнем Севере... Я их строил, строил, счет потерял... Бывало, рушил. Но вот пришло время, когда отстаю, понимать не успеваю, даже ны-

нешние шутки непонятны...

Мрак, дотоле слушавший с угрюмым спокойствием, буркнул:

– Ну, ты это брось. Ты и раньше ни одной не понимал. Помнишь, я тебя палкой по голове, а ты сдуру обиделся, шутки не понял?

– Мрак, да разве я о том? Ну скажи, кому нужны теперь мои пещеры с запасами мечей, копий, доспехов? А два десятка боевых колесниц, которые я сохранил в горах? А конская упряжь на две сотни коней? Роскошные седла, хомуты, дышла, оглобли, подпруги, мундштуки, уздечки?.. Раньше эти запасы меня не раз выручали, но... боюсь, те времена, увы... Кому нужны мои знания, как строить галеры, галеоны, драккары, стенобитные машины, мое непревзойденное знание всех битв и воинских хитростей? Сейчас другие войны и другие хитрости. Мне самому не нужны эти знания, а за новыми я не успеваю.

– Да никто не успевает!

– Но я-то успевал? – возразил Олег. – Когда повел объединенное войско славян и русов в поход на Царьград, я чувствовал себя великаном среди детей. Хотя меня убить было так же легко, как любого из моих воинов. Ну, почти так же легко. А вот сейчас, когда я уже и не знаю, человек ли я, чувствую себя слабее какого-нибудь подростка, что с легкостью пишет на ассемблере, а я даже алфавита не знаю!

Официант принес с соседнего стола меню, Мрак передал

его Олегу, он же гость, Олег проглядел наискось, сказал с неохотой и равнодушно:

– Балык осетровый, белорыбица, гусь фаршированный копченый, миноги маринованные, семга, оливки... да можно и маслины, кровяных колбасок... но только хорошо копченых и со специями... паштет из гусиной печени... когда съедем рыбу, не раньше! – бульон покрепче, бифштекс... ага, есть грудинка, поросенок с хреном и сметаной, угорь жареный под соусом, гусь с грибным соусом... а закончить можно блинами, что-то организм мучного требует... Ну, конечно, к холодным закускам – водку горькую, а к жаркому – коньячок.

Официант с сомнением посмотрел на стол, спросил озабоченно:

– Сколько человек вы ждете?... Может быть, пересядете за стол побольше?

Олег нахмурился, буркнул:

– Никого не ждем. Мы сироты.

Официант обалдело всмотрелся в блокнот, уставился на Олега, наконец решился захлопнуть блокнот, поклонился с превеликим почтением и хотел удалиться, но Мрак остановил повелительным жестом, взял меню:

– Хороший выбор у моего друга, верно? Умеет поесть. Даже добавить нечего. Так что мне все то же самое... а сверху только пару бутылок «Периньона». Как, Олег?

Олег кивнул:

– Да, ты прав. И мне тоже две.

Официант вытаращил глаза. Брови взлетели на середину лба, рот открылся и таким остался. Метрдотель обратил внимание, что тот вернулся с отвисшей челюстью, подозвал, поговорили. Официант старался жестикулировать как можно меньше, но было видно, как указывает в сторону Мрака и Олега. Метрдотель слушал с непроницаемым видом, но потом и на его холеном лице проступило некоторое замешательство.

Им подали балык осетровый, на двух тарелках, но пока Олег философствовал и умничал, Мрак успел оприходовать обе, Олегу досталось только два ломтика. Метрдотель издали посматривал на солидных клиентов, по его жестам у них на столе тут же появилась белорыбица, ветчина копченая, печеная и свежепросоленная, а тот клиент, что с черными, как ночь, волосами, снова подозвал официанта и велел еще балычка, а то этот куда-то делся.

Олег краем глаза видел, что на столе появилась широкая розетка с красной икоркой, свежей, рядом блюдо с тонкими кровяными колбасками, от них рвануло одуряющим запахом. Мрак что-то передал знаками кому-то за его спиной, спустя пару минут принесли огромного копченого угря.

– Жаб хочешь? – предложил он Олегу кровожадно. – Тут жаб хорошо готовят!

Олег поморщился:

– А сам ты их ел?

Мрак оскорбился:

– Я? За кого ты меня принимаешь? Я волк, значит – хыщник! Но ты ж у нас умный, тебе надо все не как у людей...

– Жаб не надо, – ответил Олег. – Я консерватор. Можешь и мне угря заказать, только маринованного. А вот гуся – фаршированного, копченого.

Незаметно за спинами возник официант, ловко и виртуозно налил обоим вина, Мрак поморщился, их за безруких тут принимают, чо ли, но официант понизил голос и сказал заговорщицким шепотом:

– Вон за тем столиком... две очень красивые девушки... скучают.

Олег смолчал, Мрак отмахнулся:

– Их проблемы. Нам пока не до девок.

Вслед за угрем появился жареный поросенок. Мрак заявил гордо, что вот прямо совсем старое доброе время, Олег промолчал. Ностальгия ностальгией, но сейчас готовят лучше. Это не дремучий лес, где костер, где все без приправ, нередко даже без соли.

Мрак довольно урчал, нож в его руке разделявал аппетитно пахнущую тушку с артистичной легкостью. Олег ел вяло, потом задумался, нож и вилка вообще застыли над тарелкой.

– Мы все, – сказал он горько, – живем в вымышленном мире. Помнишь, дама возмущалась: что за молодежь пошла, по улицам ходят голые! Ее муж пытался возразить: ну что

ты, дорогая, они ж все в одежде... А она резонно: но под одеждой – голые?.. Мы, как ее муж, стараемся не помнить, что мы голые. Мы все врем друг другу, врем себе, ибо правда – это хаос, а для любого прогресса нужна упорядоченность. Упорядоченность начинается с брежни. С лживого постулата, что верно только то, что видим или понимаем. Вот я вижу в спектре от красного до фиолетового, и потому мне по фигу пчела, что зрит еще инфракрасный, а за ним еще десяток цветов. Мне по фигу песни кузнечика, ибо две трети его трелей за пределами моего слуха. Я их оценить не могу, а значит – их нет. Не существует. Человек – мерило всех вещей, а всех остальных со своими мерками – в задницу, как говорит один мой лохматый друг.

– Согласен, – ответил Мрак бодро.

Олег покосился недобрым глазом:

– Да? А я вот сейчас могу видеть тебя в десятке обличий.

Начиная от «по-насекомьи» и кончая, скажем, «по-дельфиньи».

– Ну и каков я, в дельфиненьем?

– Никакой, – ответил Олег злорадно. – Нет тебя, понял?

– Щас дам в рыло, – пообещал Мрак. – Ты согласишься в мою реальность. Олег, не умничай. Пока мы едим жареного поросенка... а еще бы и жареного гуся, мы – люди. Даже если на голодный желудок иногда можем поглотить и камни. Ну, ты можешь. Я пока только собственные сапоги, как моряки Колумба.

Официант принес жаркое, сказал с улыбкой:

– Девушки все посматривают на вас. Заинтересовались.

Мрак поморщился, но спросил на всякий случай:

– Олег, ты как насчет этого? Уже развязался?

Олег вяло покачал головой:

– Узел, Мрак. Не развязать и, боюсь, даже не разрубить.

– Еще не готов, – сообщил Мрак официанту. – Да мы сами свистнем, когда восхочется. Итак, Олег, а какого хрена ты впадаешь в панику? Ты что, не можешь как все люди? Мы ж все приспособились! Если кто спросит, как на экзамене отрапортуем, что Земля круглая, вертится вокруг Солнца... но сами понимаем, что брехня это все, вон утром махонькое солнце встает из-за края неподвижной земли, а вечером сползает за противоположный край...

– Ты уже говорил, – напомнил Олег.

– А тебе хоть кол на голове теши...

Мимо них прошла красивая девушка, с крупной грудью, тонкая в поясе, с прекрасно развитыми бедрами и оттопыренным задом, на который можно поставить два бокала шампанского – результат шейпинга, фитнеса и сбалансированного питания. Она чуть улыбнулась Мраку, едва-едва, и он сразу отметил почти полное отсутствие косметики, разве что губы и брови чуть подтатуашены, сама юность и чистота... так это сотню баксов за одно пользование или пять сотен за ночь.

Возвращалась она из туалета еще более свежая, чистая,

снова улыбнулась Мраку, а когда он чуть улыбнулся в ответ, замедлила шаг и сказала дружески:

– Чувствую, вам пора разгрузиться, ребята.

Мрак сказал легко:

– Да мы только начали загружаться.

– Ого, – ответила она весело, – это ж я лопну, если вы оба все еще ее копите...

Она засмеялась, ушла покачивающейся эротичной походкой. Ее подруга смотрела на них с любопытством, Мрак перехватил оценивающий взгляд. Конечно, их сразу зачислили в разряд состоятельных. Даже очень состоятельных. Не по заказам, провинциальные лохи еще круче гуляют, а по манерам, по взглядам, по общению. Сейчас лишь прикидывают, в нужной ли кондиции эти мужики для перехода на следующую ступень общения. И не пора ли браться самим, да понапористее, а то вон впорхнула стая малолеток, эти сразу возьмут забалдевших мужиков за причинные места, а эти, гады, отказываться не станут.

Олег наконец заметил женщин, пробурчал:

– Хорошо, хоть в этом благородном промысле – блаженная стабильность. В Древнем Египте мне говорили то же самое слово в слово.

– Рад?

– Не знаю, – ответил Олег. – Умом нет, а вот душа довольна.

– Ах, у тебя еще и душа!

Официант подошел с бутылкой, раскупорил, налил в оба бокала. Мрак попробовал, поморщился:

– Слушай, рыло!.. Я заказывал марсельскую «Моро», а ты что принес? Скажу сразу, чтобы ты складками на голове не двигал: обыкновенный портвейн трехлетней выдержки!.. Убери эту дрянь.

Официант исчез, через пару минут появился сам метрдотель, извинился, сообщил, что жулика уже выгнали, уже другой официант принес вино, метрдотель лично наполнил бокалы. Мрак пригубил, благосклонно кивнул. Метрдотель велел официанту стоять за спиной важных посетителей и наполнять бокалы, но Мрак королевским жестом отослал всех на фиг.

Музыка гремела все громче и громче. На приподнятой эстраде немолодая уже певица кричала в микрофон, жилы надулись на шее, она едва не проглатывала его целиком, по лицу текли крупные капли пота. Она сбросила уже всю одежду, за исключением крохотного лифчика и трусиков. Ей хлопали, весело орали. В сторонке полногрудая молодая девушка с великолепной сексуальной фигурой выгибалась в стриптизе, уже сняла и лифчик, и даже трусики, молодые сочные груди торчат в разные стороны, но за столиками охотнее наблюдали за тощей певицей.

Олег чувствовал, как им тоже овладевает гипноз гвалта, безудержного дикарского веселья, винных паров. Через три столика, ближе к эстраде, шестеро парней, крепкие такие бы-

ки, подобных охотно нанимают в охрану, но эти рангом повыше, судя по одежде и по тому, чем уставлен их стол. Один перехватил взгляд Олега, нахмурился, что-то сказал соседу. Тот оглянулся, но Олег уже уронил взгляд и вяло ковырялся в тарелке.

Все эти люди из атомов, сказал себе с горькой обреченностью. Эти атомы висят в пустоте... друг от друга на таком расстоянии, что эти люди... почти не отличаются от пустоты. А если эти атомы чуть-чуть передвинуть, то из человека получится стол, стул, глыба камня или кусок металла... А можно оставить неупорядоченными. Тогда человек просто исчезнет... Все атомы останутся, но человека уже не будет. Человека человеком делает лишь определенная расстановка атомов...

Мрак сказал громко:

– Чего побледнел? Ты мне смотри, враз всех здешних баб кликну! От мудростей сразу отвлекут.

Олег кисло улыбнулся:

– Не стоит.

– Еще не в кондиции?

– Мрак, оставь...

– Как знаешь, – ответил Мрак. – Ты посиди пока, я схожу посмотрю на сантехнику.

Он поднялся, сразу привлекая взгляды, такие мужчины заметны, поощрительно подмигнул на ходу двум красоткам, что все еще упорно отказывались от общества подвыпивших

мужичков.

Когда он проходил мимо последнего столика, там поднялся молодой парень, худощавый, но с раздвинутыми костлявыми плечами. Мрак краем глаза следил, как тот догнал его перед дверью в туалет.

– Слушай, мужик, – сказал парень. – Вон те две девахи, видишь?.. Они для нашего босса.

– Да? – удивился Мрак. – Я думал, они свободны.

– Уже нет, – ответил парень. Голос его был веселым. – Скоро подъедет наш босс, понимаешь?.. Ему надо создать хорошее настроение. Эти девочки как раз для него. Так что не возникай, понял?

Мрак сказал буднично:

– Да клал я на вашего босса. И на вас всех.

Он отпихнул невежу и вошел в туалет. Просторно, стерильно чисто, любая бюджетная больница позавидует. Опоорожнил мочевой пузырь, а когда вышел помыть руки, в комнате возле зеркала стояли двое. Тот парень и еще один, тоже худощавый, рослый, с крепкими налитыми мышцами.

Парень сказал миролюбиво:

– Мужик, мы не хотим ссориться.

– Да и я не хочу, – ответил Мрак.

Он неторопливо мыл руки, потом так же неспешно подставил их под горячую струю воздуха. Парни медленно зашли с разных сторон. Демонстративно, все еще стараясь избежать стычки. Это раньше в корчме что ни час, то большая

драка, а между большими – две-три поменьше. Теперь же чуть что – вызывают милицию, ОМОН, а там недалеко и до самого страшного: до налоговой полиции, так что драк избегают все.

– Мужик...

– Я не мужик, – ответил Мрак сочувствующе. – Нет, ребята, без драки не получится. Извините...

Парень выругался. Лицо его исказилось. Мрак выждал, когда кулак метнется к его челюсти, отдернул подбородок и двинул правой прямым встречным. Глухой стук, треск челюсти и хруст сломанных зубов. Он снова отдернул голову, подставил под удар второго плечо, тут же раздробил удалцу лицо.

Оба рухнули, обливаясь кровью. Он осмотрел руки, надо ли мыть, нет, не надо. Ни капли крови, ни слюней, ни шерсти.

Олег сидел все с той же кислой миной. Возле него уже вились обе молодые женщины. Одна села рядом, другая стояла, опершись руками о стол. Ее низкое декольте было прямо перед глазами Олега. Мрак весело поприветствовался, сунул обеим по несколько сотенных, не считая, вытаскивал из бумажника на ощупь, объяснил:

– У него трагедь сегодня. Может быть, даже ничего не получится.

Женщины переглянулись, деньги сразу исчезли, Мрак уловил гримаску недовольства. Такие женщины не принима-

ют деньги вот так открыто. Одна сказала понимающе:

– Сделка сорвалась?... Ничего, у таких мужчин все навёрстывается...

Они вернулись к своему столу, Мрак сел напротив Олега, тот сжал кулаки, лицо медленно краснело.

– Мрак!.. Знаешь, почему все здесь пьют? Кто малость, а кто и по-черному? Одна из причин – люди страшатся взглянуть на действительность!.. Реальность – это всегда страшно. Помнишь, чтобы уйти от нее хоть на время, мы придумали спасительную нишу...

– Ты о чем? А, искусство... ну, с ним не виноваты, это не мы выдумали.

– Мы, – сказал Олег сердито, – это те, кто смотрит открытыми глазами. Кто трясется, но идет. Мы придумали и другие ниши, чтобы человек... не кончал счета с жизнью! Опьянение – не лучшее, согласен, но такой человек продолжал жить. И делал полезное, когда... бывал трезв. Иные существа работали даже и в такой... кондиции.

Мрак проворчал:

– Ну, не знаю. Я до сих пор уверен, что ты зря изобрел это хлебное вино... шпана назвала его просто водкой. Как ты учено говоришь, это снизило социальную напряженность и в зародыше ликвидировало ряд кровопролитных восстаний. Но сейчас вреда от пьянства больше, чем пользы.

Олег пожал плечами:

– А что, я против? Тогда это было необходимо. Мы спаса-

ли человечество. А сейчас надобность в опьянении... такими способами миновала. Народу уже за шесть миллиардов. Третью можно истребить, почистив род людской. Тех, у кого генофонд уже нарушен.

Мрак сказал насмешливо:

– А что с водкой?

Олег отмахнулся:

– То же, что и с кокаином. Для одурманивания пришли новые методы, вроде компьютерных игр, их пока оставим. Ну, до тех пор, пока не придумаем еще более интеллектуальные опиумы для простых... Но ты меня опять отвлек! Мрак, я говорил, что даже на эту действительность очень многие страшатся взглянуть реально. А мы с тобой, если хотим остаться впередиидущими, должны взглянуть еще дальше!

– В зареальность?

– Я бы ее назвал, – сказал Олег таким глухим голосом, что Мрак вздрогнул, мороз прокатился по его спине, – как раз настоящей реальностью... И... о чем это я говорил? Да, Мрак, ты меня все отвлекаешь. Что насчет помощи, из-за которой ты меня выволок... Если не тебе, то кому нужна?

Мрак пробурчал с набитым ртом:

– Как же... Я именно тот, кому всегда нужна помощь! Ну, Олег, ты мастер строить фразы. Тебя бы в демосфены... Оглянись, им всем нужна помощь. Был бы я миссионером, самый рай проповедовать среди этого дикаря... Да что угод-

но! Хоть христианство, хоть буддизм, хоть воздержание от мясной пищи... Для них все будет внове. И все лучше того, в чем живут.

Олег покачал головой:

– Для них не шевельнешь пальцем. Для человечества – да, но для отдельных...

Мрак кивнул:

– Верно. Но если скажу, не поверишь.

Олег насторожился.

– Говори.

Мрак некоторое время ел молча, глаза только в тарелку, запил бокалом дорогого вина, словно минеральной, наконец сказал сипло:

– Я нормальный, по-твоему?

– Смотря что считать за норму. Если полного дурака, что сейчас как раз...

Мрак буркнул:

– Так вот я слышу голоса... Да не голоса даже, а что-то такое, что чудится, будто это зов. Зов о помощи...

Перед ними поставили на широком блюде гуся. Олег перехватил восторженный взгляд официанта. Руки сами оторвали покрытую хрустящей корочкой лапу, сожрал ее в мгновение ока, спросил, опомнившись:

– Погоди, погоди!.. Даже не слова?

– Да, – огрызнулся Мрак. – Я знаю, когда сильно устанешь, то в голове обрывки фраз, довольно ясные, а то и в шуме за

окнами что-то слышится... Но здесь даже этого не было! Я просто чувствовал, что кто-то зовет... даже не зовет, черт бы побрал!.. Но ему очень хреново, а помощь нужна.

Олег откинулся на спинку кресла. Чересчур громкая музыка, атмосфера всеобщей расслабленности, и как бы пошло оно все на фиг, один раз живем, бери от жизни все, после нас хоть потоп, но Мрак не пассажир с «Титаника», трезв и сверкает злыми волчьими глазами даже в такой дурацкой ситуации. Он, Мрак, толстокожий и грубый, чует голоса!.. Ах-ах, к нему взывают о помощи!.. Как будто, завидя его рожу, любая дура не завизжит и не бросится в обратную сторону на шею любому разбойнику от такого спасителя.

– Так-так, – сказал Олег. – А святых апостолов не зрел?.. Ангелов?.. А то тебе могла явиться и сама...

Мрак сердито прорычал:

– Я так и знал, что у тебя ума только на это хватит! Какой идиот назвал тебя мудрым?

Олег подумал, ответил в задумчивости:

– Кажется, первым так назвал меня... ты.

– Я? Да ни за какие пряники!

– Ну, тогда я. Ты же знаешь, как это делается. Кто что скажет первым, то и приклеится. Так что насчет голосов? Я серьезно.

– Видений у меня никаких не было, – буркнул Мрак. – Ни ангелов, ни богородицы, ни синих чертей или розовых слонов. А голоса... Они разные, но я чувствовал, что они

принадлежали одному человеку.

Олег сказал заинтересованно:

– Может быть, даже скажешь, какому?

Мрак прямо посмотрел Олегу в глаза.

– Скажу.

– Ого! Даже опознал голос? Все интереснее... Чей это голос?

– Таргитая, – ответил Мрак.

Глава 3

Олег ощутил, как внутри сжалась некая пружина. Возникло ощущение высокой температуры. Вилка в ладони нагрелась, стала обжигать пальцы. Он сделал глубокий выдох, надо бы лучше контролировать свое внутреннее «я».

– Мрак, – прошептал он, – почему... почему ты сказал только сейчас?

Мрак опустил нож и вилку. Лицо его стало подобно высеченному из гранита. Тяжелые губы сомкнулись в ровную линию.

– Потому, – ответил он, – что... Да-да, потому что. Во-первых, я не уверен, что это не глюк. Во-вторых, если это даже в самом деле Тарх... то что мы можем?

Смертельный холод пронзил тело Олега, заморозил кровь, превратил кости в лед. Стена ресторана распахнулась, острые шипы звезд вонзились с такой силой, что едва не закричал от боли и ужаса. А звезды на глазах сбивались в страшные лохматые галактики, те крутились с бешеной скоростью, похожие на бенгальские огни, разбрызгивали звезды, созвездия.

– Что с тобой? – спросил Мрак.

На них посматривали от соседних столов. Кто с интересом, кто со злорадством, в предвкушении скандала. Мрак видел, с каким усилием Олег взял себя в руки.

– Ты прав, – ответил Олег мертвым голосом. – Что мы можем для Тарха?

Нож и вилка механически задвигались, мясо аккуратно расчленялось на ровные сочные ломтики. За соседними столами громко пили, ели, смеялись, а над всем залом грохотала музыка, от которой содрогались стены, трепыхались нервы и дергались мышцы.

– Мы ничего сделать не можем, – ответил Мрак. – Официант!.. Счет.

– Да, – ответил Олег. – Надо торопиться.

На улице близ входа в ресторан Олег увидел крепких парней. Несколько человек уже в машинах с приоткрытыми дверцами. Остальные даже не изображают случайных прохожих, открыто и нагло уставились на обоих.

– Машину или пешком? – спросил Мрак.

– Два квартала, – отмахнулся Олег. – Какие тебе машины?

– Да кто тебя, разволнованного, знает...

Парни в великом удивлении смотрели, как два мужика прошли мимо рядов сверкающих хромом машин. Дальше не то что уж совсем темная улица, но Москва – чудо-город еще и тем, что в самом центре, рядом с сверхлюксовыми домами, супермаркетами и кварталами жилых домов для миллионеров, существуют и захламленные темные улочки, перед которыми Гарлем покажется сверкающей Пикадилли-стрит. Здесь дома заселены, как муравейники, квартиры почти все

– коммуналки, здесь даже дома, что уже не существуют десятки лет, их жильцы получили новые квартиры, но в них все еще подается вода и газ, настоящий рай для бомжей, воря, вокзальных проституток и уличных уголовников.

Когда углубились в такую вот улочку, за ними некоторое время шли, полагая, что делают это неслышно, а потом в растерянности послали двоих вперед с мобильниками, проверить, нет ли засады.

Олег даже вздрогнул, когда впереди на скудно освещенном пяточке появились трое крепких и загородили дорогу. Конечно, он видел и слышал их, но лишь краем сознания, а основная мысль упорно билась в запертую дверь, за которой он старался удержать от себя же свое страшное видение мира. Не оглядываясь, ощутил, что сзади тоже появились четверо, отрезали дорогу. А еще дальше, на улице, в свете фонарей виднеется «мерс» с приоткрытыми дверцами.

– Ша, – сказал один, самый толстый. – Я вижу, вы крутые ребята. Но сейчас будет базар по делу.

Олег вяло отмахнулся:

– Да нет у нас с вами дела...

Мрак ухватил его за рукав. В глазах было веселье.

– погоди! Щас будет кино.

Толстяк сказал озадаченно:

– Да, кино будет. Вы, мужики, крепко обидели одного человека. И покалечили двух наших ребят. С вас по пять штук баксов. Или выкладываете сразу, или съездим с вами домой.

– К вам? – спросил Мрак.

– К нам или к вам, – ответил толстяк, – без разницы. У вас дома – хорошо, отпустим. Нет, тогда к нам. Подождем, пока ваша родня пошустрит.

– А если не отыщет?

Толстяк смерил его угрожающим взглядом:

– На какие-то шиши гуляли?.. Значит, хотя бы квартира есть. Продашь, вот и будут бабки.

Мрак задумался:

– А кого же мы обидели? Олег, не помнишь?.. Вроде сидели тихо, как две мышки.

Олег, не слушая, вяло махнул рукой и пошел себе.

– Олег, – вскричал Мрак, – да погоди ты!

– Мрак, – сказал Олег с мягким укором, – ну что у тебя за детские развлечения?

Озадаченные парни едва не расступились перед Олегом, очень уж уверенно идет, даже не на них, а как сквозь легкий пар, как идут крупные боссы, зная прекрасно, что любые, самые огромные и толстые бодигарды отпрыгнут с дороги. Двое в самом деле посторонились, но толстяк превозмог себя и сказал как можно тверже:

– Мы базар только начали!

– Закончили, – ответил Олег кротко.

Толстяк схватил его за руку. Его друзья наконец решились, ибо их прямой босс уже начал, двинулись на Олега. В руках появились металлические дубинки.

– Зря вы так, – сказал Олег равнодушно.

Все трое увидели только смазанные движения, после чего их раскидало, будто попали под стрелу башенного крана. Сзади слышно было, как Мрак отряхнул ладони, его легкие шаги, глаза блестят весельем, подошел, оглядел, покачал головой:

– Ну, ты и зверь! Ты посмотри на моих!

Четверо, которые пытались остановить его, стонали, ползали, барахтались. Все хваталось за разбитые челюсти, двое нутужно кашляли. Вместе с темной кровью вылетали белые искорки раскрошенных зубов.

– А что твои? – спросил Олег тупо.

– Завтра будут целехоньки!.. Ну, к дантисту сходят, им не впервой. А ты? Они ж теперь калеками на всю жизнь!

Олег кивнул, на высоком лбу ненадолго собрались морщинки, тут же исчезли.

– Да, – ответил он. – Да.

– Что «да»? – спросил Мрак сердито. – Ты как будто не раскаиваешься!

Они прошли темный двор и вышли из-под арки на залитую электрическим светом фонарей и реклам Тверскую. Время от времени ночные бабочки отделялись от стен, приближались, покачивая бедрами. Мрак отправлял их обратно выразительным жестом.

Олег женщин не замечал, взгляд как будто сквозь стены к видимому только ему Краю Мира.

– А что не так? – спросил он непонимающе.

– А то, что искалечил, – сказал Мрак. – Олег, что-то ты за последнюю тыщу лет стал как-то злее, что ли...

Олег удивился:

– Мрак, как ты можешь? Это я-то злее? Ты ж знаешь, что я всегда для людей! Как ты можешь такое, как у тебя вообще язык повернулся!

– Сам удивляюсь, – ответил Мрак с сарказмом. – Но как-то вот повернулся. Так ты им поразбивал головы и поломал руки-ноги, чтоб как лучше, да?

– Ну вот, – сообщил Олег, – ты все понял!

– Конечно, – сказал Мрак, – я понял все. Я не понял только, как это им стало лучше с перебитыми ногами. Пустячок, конечно, но не понял.

К бровке подкатил автомобиль, водитель крикнул весело:

– Ребята, куда отвезти?

– Мы уже дома, – ответил Олег вежливо, а Мрак удивился:

– Ты гляди, уже на «мерсах» шабашат!.. Это нищета или что-то другое? Так как, говоришь, они запоют с переломанными ногами?

– При чем здесь запоют? – удивился Олег. – Разве я говорил, что запоют?.. Мрак, тебе перебродивший виноград пить вредно. Еще скажи, что запляшут. Я говорил о пользе. Польза бывает большая и малая. Малая – это когда себе и своему огороду, а большая – когда обществу. Понял? Это же все просто! Если б ты не отрубил руку тому рыцарю в битве при

Липано, то разве мы имели бы этот шедевр – «Дон Кихот»? Если бы ты не отрубил ногу тому рыцарю на переправе, то разве он создал бы орден иезуитов? Если бы ты не перебил хребет тому bravому комсомольцу, разве б он написал «Как закалялась сталь»? Если бы ты не повредил... гм... того вертопраха со шпажкой, он всю жизнь бы среди бабс и успешных дуэлей, а так закон сохранения веществ вывел... или не закон, а что-то другое, это неважно. Разве не дивно и не важно для человечества, что это дубье не осталось дубьем, как обязательно осталось бы с целыми руками и ногами, а начало усиленно работать тем, что уцелело – головой! Так что ты сильно двинул цивилизацию, сильно!.. Вот только с Галуа у тебя вышла промашка, да Байрона ты слишком уж...

Мрак смотрел исподлобья, подозревая насмешку, но лицо Олега было абсолютно серьезным.

– Да, – сказал Мрак наконец угрюмо, – я ее, заразу, двинул!.. Не так двинул, как ты, после тебя она вообще в корчах лежала, а динозавров так и вовсе не осталось, но я тоже... иногда... двигал. Не всегда, правда, руки-ноги, чаще по головам лупил. Да и те, которым руки-ноги, почему-то не все кидались донкихотов писать и менделеевские таблицы чертить, а чаще с протянутой рукой на папёрть... Ну да ладно, что это мы расхвастались? Лучше скажи, как у тебя с... теми? Ну, из чего ты состоишь.

Олег усмехнулся.

– Им проще. Они свою задачу выполнили!

– Как?

– Соединились, – ответил он просто. – Теперь я с ними одно целое, а плоть подвластна мне вся.

Мрак смотрел недоверчиво. Олег поймал его взгляд, расстегнул рубашку до пояса. Грудь была широка, кое-где заросла рыжими волосами, но все равно совсем жидко, если сравнить с его черными зарослями...

– Плоть, – буркнул Мрак с иронией. – Слова-то какие... С плотью даже монахам не удавалось, а мы ж не монахи.

Олег молчал, лицо напряглось, глаза застыли. Мрак не поверил глазам, это была все та же грудь, но теперь – из металла. Он протянул руку, потрогал. Палец везде упирался в прохладный металл.

Олег засмеялся, тут же металл не то чтобы исчез, но показался Мраку ртутью, сквозь которую можно просунуть руку. Он отдернул пальцы, сам ощутил, как собственный голос стал хриплым:

– А у тебя хоть сердце... есть?

Мраку в ответе волхва почудилась тоска:

– Зачем? Я маг... а теперь ученый, но не поэт.

– Э-э...

– У меня есть сердечная мышца, – объяснил Олег, – для перекачивания крови. Пока, как видишь, справляемся.

Он торопливо застегнул рубашку, ибо из одной подворотни к ним направился согнутый парнишка, явно предложит травку или чего-то покрепче, от обочины дороги обернулась

голосующая девушка на высоких каблуках и в трусиках вместо юбки, профессионально заулыбалась и ухитрилась одновременно выпятить грудь, втянуть живот, вздуть ягодицы, а толстые губы вытянула трубочкой. Еще и намекаяще облизала их острым розовым язычком, длинным и натренированным.

– Поедем ко мне, – предложил Мрак.

– А там что? – спросил Олег безнадежным голосом. – Вино и бабы?

– Можно, – согласился Мрак жизнерадостно. – Как скажешь!

Машина у Мрака, понятно, нашлась. Тут же, возле дома Олега. Хорошо, хоть не на вертолете прилетел, от Мрака можно ожидать всего.

По щелчку невидимого брелка распахнулись обе дверцы. Мрак сел, выждал, пока Олег заберется на соседнее сиденье, волхв двигался как Сенека, что получил последнюю записку от Нерона. Мотор едва слышно загудел.

– Эх, – сказал Мрак с удовольствием, – хорошо!... Это тебе не какая-нибудь тройка...

– А сколько там?

– Шестьсот коней под капотом!

– А-а-а...

Стрелка спидометра неуклонно поднималась вверх, а потом начала опускаться на другую сторону. Мрак на скорости

в сотню километров обогнул один угол, другой, третий. Тормоза визжали, из-под колес шел черный дым. Олег сказал подозрительно:

– У тебя что за машина?

– Кое-что усилил, – ответил Мрак. – А что?

– Да я тоже пробовал, но эти проверки на дорогах...

– А ты не умеешь им отводить глаза? – удивился Мрак.

– Я многое чего не умею, – огрызнулся Олег, – но не хвастаюсь. Все-таки я бы не гнал так. Ты ж не бессмертный, Мрак. Как и я.

Мрак чуть сбавил скорость. Тут же сзади замигали фары. Он в раздражении вильнул вправо. Мимо с шуршанием пронесся «Вольво» с затемненными стеклами. Он ушел вперед, догнал элегантный «мерс», тоже потребовал уступить лыжню, «мерс» некоторое время делал вид, что не замечает настойчивых сигналов, но «Вольво» поджимал, и «мерс» нехотя сдвинулся в правый ряд, а когда «Вольво» проскочил, тут же задвинулся обратно.

– Лихачи, – сказал Олег неодобрительно. – Зачем?

– Это жизнь, – ответил Мрак. – С ветерком!

– В голове? – переспросил Олег. – Я столько раз уже разбивался...

– Ты? – удивился Мрак.

– А что, удивительно?

– Да ты всегда такой осторожный... А быстрые машины появились только что.

– Я падал на полном скаку не только с машин, – ответил Олег сквозь зубы. Побледнел, передернул плечами. – Я, Мрак, так и не научился смотреть на мир бесшабашно и по-мушкетерски. Более того, все больше бесшабашность кажется глупой.

Мрак смолчал, но сбросил скорость еще чуть-чуть, зная, что Олег все мелочи замечает, а этот жест оценит. И только когда вылетели на Окружную дорогу, он заметил:

– Олег, я вожу машину... как никто не водит.

– Да ладно тебе... так что с Таргитаем? Ты так и не сказал. Он что, в опасности?

Мрак оставил руль, развел обеими руками:

– Не знаю...

Машина начала медленно сдвигаться влево. Они и так шли в левом ряду, бетонный бортик начал приближаться. Олег засопел. Мрак выждал еще чуть, широкие ладони опустились на баранку.

– Так чего ж? – спросил Олег зло.

– Не знаю, – ответил Мрак. – Я понимаю, что с этим рукоразводительством похож на какого-нибудь умничающего придурка... Вот ты всегда руками разводишь, заметил?.. И умничаешь, умничаешь, так и прибил бы, как скакуна на переправе. Зато у меня всегда были ответы что надо. Железобетон! А вот сейчас ты мне приводняешься на голову, а я развожу дланями... Понимаешь, не всегда человек, когда в опасности, зовет на помощь. И не всегда, когда зовет на по-

мощь, он в опасности... как мы считаем.

Олег помотал головой.

– Что чересчур умно, ты прав. Лучше не умничай, скажи так, как ты говорил всегда.

– Изволь. Ты вон лежал в соплях и блевотине, уже поды-
хал, а на помощь не звал. Верно? А, молчишь... Почему не
звал?

– Да какая от тебя помощь? – ответил Олег брезгливо. –
Ты подумай!

Мрак добросовестно подумал, судя по шевелению един-
ственной морщины на лбу, сказал хмуро:

– И после этого меня зовешь грубым?.. В общем, это был
не зов о помощи, а как бы жалоба, что ему хреново, ему гад-
ко, ему паскудно... а она, зараза, сама лампочку не может
зажечь!.. Что, когда вот такое услышишь, мы должны?

Он не ожидал, что Олег так сразу оцепенеет, насторожит-
ся, а голос волхва зазвучит как боевая труба, зовущая в бой:

– Мрак, если Тарху хреново, то это... в самом деле хре-
ново. Ты ж помнишь, ему и в аду было хорошо и уютно!

Мрак нахмурился, с силой потер лоб широкой ладонью:

– Вообще-то, да.

– К тому же, – сказал Олег очень серьезно, – он мог кри-
ком кричать о помощи!.. Да-да. Это у нас уши такие, слышат
только легкий стук, когда уже кувалдой по черепу.

Мрак подумал, покачал головой:

– Нет, криком не кричал.

– Уверен?

– Да. Но помощь... нужна. Похоже, с ним нечто такое, как и с тобой. И если к нему не придем мы, как к тебе пришел я...

Олег содрогнулся. Перед глазами замелькали жуткие картинки. Он потер лоб ладонью, заставил себя сказать:

– Погоди... Это значит, что у нас какое-то время есть. Тянуть нельзя, но хотя... есть время, чтобы понять, куда бежать, что делать. Таргитай, он... к нему еще добраться надо.

На Окружной трижды проходили посты ГАИ, проходили на скорости, Олег нервничал, но никто машину не остановил. Мрак хвастался, что это он так им отводит глаза, хотя, скорее всего, просто его номер был хорошо известен инспекторам.

Потом на такой же бешеной скорости он съехал с шоссе на ровную ухоженную дорогу. По обе стороны понеслись деревья, телеграфные столбы. Потом столбы исчезли, шоссейка вильнула и пропала, а они понеслись по хорошо укатанной проселочной. Или это они вильнули, но теперь деревья подступили с обеих сторон к самой дороге. Если какой рогатый или длинноухий зверь выскочит на проезжую часть, никакие тормоза машину не остановят вовремя...

Справа и слева мелькали высокие чистые стволы сосен. Сухие пригорки усыпаны рыжими иголками, словно шерстью огромных полинявших псов. Мрак откинул верх, воло-

сы трепало ветром, свистело в ушах, но Олег все равно слышал, как в ветвях поют соловьи, а на высоких соснах стучат крепкими клювами дятлы.

Справа лес исчез, распахнулась зеленая ровная ширь таковой чистой травы, что в другое время остановился бы, чтобы потоптать ее босыми задними лапами. Мрак наддал газу, машину несло, как на гонках. Только при новом въезде в чащу сбавил скорость, там пошел березняк, затем дубравник. Солнечные лучи прорывались сквозь листву и падали на дорогу огненным кружевом. Дорога замелькала пятнистая, как шкура леопёрда, в глазах заломило от этого мелькания. Олег поморщился, но еще после двух поворотов впереди между деревьями блеснула голубизна неба. Деревья убежали и спрятались за спиной, а машина вылетела на изумрудно-зеленый простор.

Там, на том конце зеленого поля, высился могучий особняк. Справа от дома огромный раскидистый дуб, а в десятке шагов налево – еще полдюжины. Острые глаза Олега рассмотрели добротный стол, легкие кресла, мангал, ящики.

Все пространство огорожено решетчатым забором. Прутья росли, казалось, из самой земли и были настолько тонкими, что Олег в рассеянности их сперва даже не заметил. Забор поднимался на пару метров, железные прутья заканчивались острыми зубьями.

Мрак скорость не сбавлял, впереди выросли ворота, Олег напрягся, но ворота отскочили в сторону с такой поспеш-

ностью, словно их отстрелили. Только теперь Олег обратил внимание на крохотную будочку возле входа, выкрашенную в зеленое, под цвет травы. Оттуда помахал парень в пятнистой форме охранника. Машина влетела во двор, Олег оглянулся. Ворота снова на месте.

– Это от туристов, – объяснил Мрак. – Не люблю. Придет какая-нибудь милая семья из трех-четырех человек, устоится на лужайке на часок-другой, а после нее столько мусора, что офигеваю: откуда столько? Пришлось обнести забором.

Он повел машину прямо к подъезду. Олег покачал головой:

– Не часто здесь бываешь. Трава не притоптана.

– А служанка не из города, – объяснил Мрак. – С той стороны деревушка. Оттуда носят молоко, творог, сыр и все такое безнитратное, как говорят. А что такое нитраты, не знаешь?

– Могу сказать формулу, – предложил Олег.

– Не надо, – ответил Мрак быстро. – Только не умничай, умоляю.

Особнячок стандартный, двухэтажный, на десяток комнат, не больше, как определил Олег еще с крыльца. Да плюс две ванные, два туалета, бильярдная, а внизу подвал по всей ширине хибарки. Просто так, пустой, ибо нет смысла загонять машину в подземный гараж, кто посмеет хозяину запретить держать ее наверху?

Они вошли в холл, тут же сверху по лестнице сбежала навстречу девушка, молодая и красноморденькая, крепкая, как молодой бычок, с золотой косой до пояса. На Олега пахнуло молодостью, здоровьем, спелостью. Еще он уловил мощный гормональный зов, на который каких-нибудь сто тысяч лет тому сбежались бы кроманьонцы со всего муниципального округа.

– Привет, Каролинка, – сказал Мрак. – Это мой друг Олег. Ты пока принеси нам чего-нибудь попить, а то горло пылью забило... Ну, а сама, понимаешь, быстренько подсуетись с горячим...

Девушка улыбнулась Олегу чисто и бесхитростно. Зубки у нее оказались крупные и белоснежно-белые, изумительно ровные, такими бы гвозди перекусывать, на щеках возникли милые ямочки.

– Здравствуйте, – сказала она, не решаясь называть Олегом такого серьезного и представительного мужчину, пусть даже молодого, почти ее ровесника. – Я все сейчас принесу.

Олег сел там же, в холле, за стол, Мрак опустил ся напротив. Коричневые глаза оборотня стали очень серьезными. Теперь, когда он вырвал друга из депрессии, напускное или не совсем напускное веселье улетучилось, лицо посуровело, а на лбу появились знакомые морщинки. Это был прежний Мрак, суровый и требовательный.

Каролина в самом деле принесла, а не привезла на тележке, два литровых бумажных пакета и высокие стаканы из бо-

гемского стекла. Мрак взял, сказал недовольно:

– Лапочка, а где абрикосовый? Я не люблю ананасовый.

– Абрикосовый только привезли, – ответила она виноватым голосом. – Еще теплый! В холодильнике был ананасовый.

– Кислятина, – сказал Мрак. – Неси абрикосовый.

Она послушно исчезла, вернулась с большим пакетом. Олег взял из ее рук, она мило улыбнулась ему, откупорил, налил. Мрак взял свой стакан и удивленно охнул. Сок был холодный, почти на точке замерзания, а стакан покрылся изморозью.

– Каролинка, иди-иди, готовь нам покушать... Олег, как ты это делаешь?

– Долго объяснять, – ответил Олег. – Но, чтобы оставаться человеком, чего не сделаешь?

Мрак подумал, что Олег так пошутил, но вспомнил, что скорее растают все ледники в Антарктиде, чем Олег научится острить или хотя бы понимать юмор.

– А человечество при чем?

– Я бы мог и теплым, – пояснил Олег. – Если и раньше мне было все равно, я ж философ, то теперь могу этот сок вместе с картонной упаковкой...

– Пластиковой.

– Что?

– Говорю, теперь упаковка из пластика.

Олег отмахнулся:

– А мне есть разница?

Мрак пил с явным удовольствием, из-под приспущенных век наблюдал за Олегом. Похоже, Олегу разницы в самом деле нет. Он и раньше не замечал что ест, но сейчас старательно делает «как все люди», чтобы «оставаться человеком». Вообще-то Олег не из тех, кто побоится стать нечеловеком. Просто трусит, что если откажется от «простых человеческих радостей», а попросту говоря, от простейшего получения удовольствия, от баб-с до простого чесания спины об угол, то ему это чем-то грозит. Осторожный у нас волхв, осторожный. То, что он, Мрак, дожил до этой эпохи – чудо, но Олег – естественно. Олег никогда не ходил по тонкому льду... не потопав по нему сперва ногой. А то и попрыгав.

Олег пил сок неспешно, тоже наблюдал за Мраком. Смотрел в другую сторону, но наблюдал. С недавнего времени он мог прекрасно видеть и все то, что за спиной. Мрак остался Мраком... Добротный, надежный, открытый. Стоит посмотреть на особняк, да за сто верст любой скажет, что он принадлежит Мраку. А обстановка? Широкая дубовая лестница, будто по ней по четверо в ряд взад-вперед ходят слоны, массивный стол, за которым они сейчас, дубовые стулья, их не всякий поднимет... Если зайти в комнаты, то голову наотрез, что везде кровати сделаны на заказ, все из мореного дуба, мебель не допотопная, но умеренно консервативная, тоже надежная, из тех, что живет века, переходит из поколения в поколение, хранит инициалы прадедушки, когда тот

был еще ребенком...

– Есть хочешь? – спросил Мрак внезапно.

– Давай, – безучастно ответил Олег.

Мрак посмотрел с подозрением, но взгляд Олега был совершенно серьезным. Мрак двинул плечами. По его сигналу снова появилась Каролина, быстро и проворно начала перетаскивать из кухни на широкий стол сперва жареное мясо, потом горы винограда.

– Узнаешь? – спросил Мрак с хмурым удовлетворением.

Олег не отвечал, он опустошал тарелки, как лесной пожар. Мрак удивленно покачал головой, хотел спросить, куда же столько влезает, вспомнил, как Олег поглощал в ресторане, смолчал, но, когда Олег, закончив с мясом, принялся за фрукты, сказал с упреком:

– Ну и жрешь... Этот же виноград двести рублей за кило!.. А настоящий бурбон кто ж стаканами, как Петька с Василием Ивановичем? Ты б еще из горла, дикарь!.. На такую крокодилу не напасешься. В прошлый раз ты песок ел! Хошь, песка принесу? У меня песка хоть анусом жри. И недорого: бутылка водки – самосвал, бутылка водки – самосвал... Со стройки воровали...

Олег смел со стола все, к радостному ужасу обомлевшей Каролины. И наконец, разохотившись, хотел было облизать тарелку, но задумался о Высоком и попросту сгрыз ее, не заметив.

Мрак уважительно покачал головой. Сгрызть и он сможет,

но переварить...

— Рыба для костей, — сказал он, — яблоки для крови, капуста для давления... или от давления, а фарфор для чего?

Олег медленно поднял голову. В зеленых глазах вспыхнул на миг нещадный блеск, тут же погас, но Мрак некоторое время чувствовал себя так, словно из яркого солнечного мира попал в полутемную комнату.

— Для меня, — ответил Олег. — Для меня, Мрак.

Мрак с холодком вдоль спины увидел оскаленные зубы волхва, где клыки удлинились, острые, как ножи, злое изогнулись, а потом, будто спохватившись, вернулись в прежнее, человеческое.

— Ты не понимаешь, — проговорил Олег глухо. — Я всю жизнь — помнишь?.. — всю жизнь стремился видеть мир, какой он есть... но вот теперь, когда в самом деле увидел, как страус прячу голову в песок!.. Я убеждаю себя, внушаю себе, что мир таков, каким его видишь... ты!

Он выплюнул последние слова, как оскорбление. Мрак поежился. Мир вокруг него плотный, неподвижный, солидный. Если сильно топнуть ногой, то скорее отобьешь подошву, чем провалишься через какие-то пустоты между атомами.

— Да ладно тебе, — сказал он. — Гулять так гулять!.. Доедай и виноград. Не осталось? Жри и тарелку подвиноградную. Правда, четыреста гривен, подумать только! Куда мир катится с такими ценами, но для друга чем не пожертвуешь?.. Хо-

тя, конечно, если для тебя все равно, песок или жареную курицу, то я пошлю за песочком! И совочек дам. Или тебе лопату?

Олег вздрогнул, слишком часто уходит в себя, спросил непонимающе:

– Лопату? Зачем?

– А, – сказал Мрак понимающе, – она тебе без надобности! Ты можешь сесть на песочек и есть, есть, есть... прямо тем местом... Э-э-й, ты чего уставился... вот так?

Губы волхва с усилием раздвинулись.

– Я? – переспросил он. – Я... ничего. Просто посмотрел.

– Нет, – сказал Мрак настойчиво, – что-то случилось. У тебя такая морда, такая...

– Да все в порядке, – ответил Олег. Он был бледен, губы подрагивали. Мрак заметил, что руки у него трясутся. – Мрак, мне хреново.

– Может, водички?.. Или сразу ампутацию?

– Да иди ты...

– Но что случилось?

– Да перестань дергаться. Просто страшно, Мрак.

– Я это слышу от тебя сто раз в день.

– Но мне в самом деле... Эх, почему не тебя пихнуть впереди себя!

– На минное поле?

– Сам же говорил, что у тебя шкура толстая. Мрак, все рассыпалось, нет ничего твердого, незыблемого. Все отно-

сительно, нет критериев, нет ничего... Я просто посмотрел на тебя... в инфракрасном. Только и всего! Сам понимаешь, я увидел совсем не то, что вижу обычным зрением. Но кто сказал, что я раньше видел правильно?.. А почему ты на самом деле не таков, каким я тебя увидел сейчас?.. Более того, я посмотрел в ультрафиолете, потом – в рентгеновских лучах. Нет, вовсе не скелет увидел... хотя и скелет тоже. Очень красиво, кстати. Вся эта розовая плоть вокруг костей, таинственный туман хрящей, едва заметные нити нервов, схлопывающееся и раздувающееся, как жаба, сердце, пена легких... Возможно, такой твой видок самый правильный. А я много тысяч лет видел тебя... как видят какие-нибудь козы!

Мрак проворчал:

– Ладно, не хвастайся. Когда-нибудь и я тебя увижу... иным. Тогда и посмеюсь.

– Увидь, Мрак, – сказал Олег серьезно. – Пока не посмотришь на меня, на мир, на все вокруг иначе... ты не перестанешь быть прикованным и скованным. А когда увидишь... то это первый шаг к тому, чтобы протянуть руку и взять. А оно, на удивление, близко!.. Только мы всю жизнь даже не понимаем, на что смотреть.

Мрак пробурчал:

– Протянуть руку, а потом протянуть ноги?.. Ладно, не оправдывайся. Из тебя хреновый оправдыватель, а оправдывальщик и того круче. Олег, а если бы понимали, тогда что? Вон все *понимают*, что Земля вокруг Солнца, но всякий *ви-*

дит, что Земля – это неподвижная твердь, что она в центре всего на свете, а крохотное Солнце встает из-за края неподвижной Земли и потом опускается за другой край неподвижной и несдвигаемой! Это ты хотел провякать, но только умными словесами, аки Баян вещий? Ты что-то стал повторяться, как старая пластинка.

– Это, – сказал Олег. Он вздрогнул. – Тебе – не знаю, но мне страшно представить... не понять, а именно *представить*, что Земля вокруг Солнца, а не наоборот. А когда я пытаюсь представить себя, из чего состою я сам, то, стыдно признаться, у меня дважды темнело в глазах, а сердце оставалось...

Мрак спросил с интересом:

– Тебе в самом деле все еще бывает стыдно... после всего того, что натворил за эти годы? Или просто фигура речи?

– Перед собой стыдно, – ответил Олег сердито. – Не перед тобой же, морда!

Мрак дважды сходил в туалет, Олег же оставался за столом, весь из себя задумчивый. Когда задумывался чересчур, то нервные пальцы либо скручивали из вилок и ножей колечки, браслеты, даже спаивали друг с другом. Между пальцами вспыхивала короткая дуга, пахло озоном, издали выглядело, как будто баловался с зажигалкой, но, когда появился Мрак, вместо вилок было стальное ожерелье из двадцати отдельных колечек. Кажется, даже с орнаментом, выжженным

или выдавленным.

Каролина появилась на лестнице, на спине модный рюкзачок. Спросила издали застенчиво:

– Мрак Иванович, так я возьму велосипед?

Мрак отмахнулся:

– Я ж для тебя купил! Больше не спрашивай, он твой.

– Такой дорогой, – прошептала девушка почтительно. – Спасибо, Мрак Иванович!.. А ваш друг к вам надолго?

Мрак кивнул:

– Молодец, Каролинка. Сразу все ухватила, когда увидела, как он жреть. Закупай втрое... нет, впятеро! Это к тому, что я ем, как птичка, ты заметила?

Олег проворчал:

– Мрак, я просто задумался.

Каролина улыбнулась, исчезла. Мрак пояснил:

– Для них, деревенских, это хар-р-рошая подработка. Другие аж в город на базар везут, а я тут потребляю. А тут еще ты на мою голову, жрешь в четыре горла, как голодный крокодил. Некормленный.

– Ага, сам признался... Мрак Иванович!

– Это потому, что солидный я, – сказал Мрак, оправдываясь. – Хотя мы с виду и молодые орлы, но вид у нас... внушающий. Ты ж помнишь, двое орлов были одногодками, но одного величали Василием Ивановичем, а другого – Петькой!

– Да ладно, ты как будто оправдываешься... Меня тоже как только ни называют. Спасибо, что вытащил из... из ды-

ры. В самом деле, спасибо. Но, Мрак, теперь я от тебя не отстану. И потому что ты – Мрак, и... к Таргитаю можно только вместе.

Вернувшись из деревни, Каролина носилась по дому, убирала, чистила, готовила, во все горло горланила, как долго она будет гнать велосипед, а потом нарвет цветов. Двое здоровых мужчин на аппетит не жаловались, в деревне сразу два дома – ее родителей и родни начали поставлять мясо, птицу, молоко и сыр, а также всякие овощи, фрукты и зелень. Платит ее хозяин, Мрак, щедро, ибо требует самое лучшее.

Его гость, красивый печальный молодой мужчина с простым именем Олег, почти не показывался из своей комнаты, лишь пару раз исчезал в лес. Причем уходил странно: Каролина видела, как этот зеленоглазый удалялся в свою комнату, а потом вдруг оказывалось, что в лесу слышен треск, там иногда вздрагивают деревья, птицы то взлетают с криками, то мертвецки спят на ветках, а те ходят ходуном. Мрак отмахивался, мол, это его друг ищет уединения.

Кто ж так ищет, спрашивала Каролина ошалело. Вот так ищет, объяснял Мрак со странной усмешкой. И добавлял совсем уж странно: умный он, понимаешь?

Каролина кивала и уходила, чувствуя, как все тело пронизывает легкая дрожь от присутствия этих странных и очень сильных – женщины это чувствуют всеми фибрами – мужчин.

Мрак шумел, как стая павианов в парке, гоготал, теребил Олега и не давал погружаться с головой в жуть, но Олег чувствовал жадное нетерпение друга, сказал сердито:

– Ты давай... не скачи, не скачи.

– Ты о чем?

– Говорю, меня клоунами не отвлекают.

– Это я клоун? – обиделся Мрак. – Ну, я просто не знаю... Слушай, а как ты температуру меняешь? Ты вообще сейчас из чего?

– Ерунда, – ответил Олег рассеянно. – Кости мои... достаточно сложный полимер из... силикатов. Разумеется, с добавками из некоторых металлов. Само собой разумеется, что прочнее всех металлов на свете, они выдержат температуру до десяти тысяч градусов, их невозможно ни сломать, ни распились, ни разрезать. Мясо... гм... тоже под стать, но главное – шкура. Шкура у меня, Мрак... Но все это прошлое.

– Как это?

– А так. Это хорошо, чтобы геройствовать здесь. Я могу выйти против дивизии суперсовременных танков и перебить их... или разнести вдрызг голыми руками. Но это не поможет мне добраться даже до Луны. Так что надо искать что-то другое. Страшнее всего, что я знаю, где искать...

Лицо его побелело, он передернулся всем телом. Глаза остекленели, он задержал дыхание, как перед прыжком в холодную воду. Мрак выждал чуть, легонько похлопал по спине.

– Эй-эй, – сказал он предостерегающе. – Ты того... не выйогивайся!.. Ишь, в самадхи асампрайната впал. Я бы таких впадунов...

Олег прошептал белыми губами:

– Ты же сам... гад, жаждешь... Как коршун ждешь...

Он закричал, лицо жутко исказилось, пошатнулся. Мрак попытался подхватить, но волхв зачем-то перешел в железо, Мрак с проклятием отдернул обожженные пальцы. Олег упал, растекся было чем-то зеленым, но тут же принял обычный человеческий вид. Мрак все же ухватил его за уже человечесьи плечи, встряхнул.

– Все хорошо, Олег, – сказал он настойчиво. – Да, я, как коршун, все жду, что ты отдохнешь и... снова, снова, снова! Все очень хорошо, все правильно... Ты здесь, я с тобой.

Олег всхлипывал, его трясло. Мрак поднес ему стакан холодного апельсинового сока. Зубы волхва стучали, сок тек по подбородку, брызгал на грудь.

– Мрак... это жутко...

– Ты все делаешь правильно, – убеждал Мрак. – Ты молодец!.. Мне бы хоть одним глазом увидеть то, что видишь ты. Да хоть в полглаза или четверть глаза!

Грудь волхва вздымалась часто, в ней Мрак уловил натужное сипение, потом звякнуло, а изо рта вырвался сизый дымок.

– Мрак...

– Говори, Олег! Говори.

– Мрак, – просипел Олег с усилием, – я боюсь, что может не получиться...

Мрак спросил с жадностью:

– Что-то увидел?

– Да все то же, – ответил Олег тоскливо. Плечи его передернулись, он страшно побледнел, глаза начали закатываться. Мрак снова грубо тряхнул, сунул в ищущие пальцы Олега пакет с соком. Олег швырнул через комнату, приподнялся и сел. Глаза дико блуждали по комнате. – Я смотрел в себя... Мрак, это такая жуть, когда видишь, что состоишь из пустоты!.. Не просто понимаешь, это я понимал давно, но чувствуешь...

Мрак сказал быстро:

– Ты это уже видел.

– Да, но сегодня я, кажется... пережил такую жуть, такую... что даже понял, как сделать еще шажок. Теперь попробовал бы перевести все на силовую основу! Ведь все атомы моего тела держат воедино силовые поля. Если я сумею с атомарного перейти на субатомарный...

Мрак сказал убежденно, хотя сердце колотилось, как у бегущего от волка зайца:

– Олег, у тебя все всегда получалось!.. Не тем макарон, так другим. Но получалось. Пусть даже не то, что ты хотел.

– Ну, спасибо, – прошептал Олег.

Мрак с облегчением похлопал его по спине.

– Поздравляю, ты вернулся. Целым.

Глава 4

Однако дни шли, Олег либо уходил в лес, и тогда Мрак незаметно прокрадывался за ним, либо запирался в своей комнате. Мрак, ессно, следил за ним по экранам мониторов. Друг болен, оставлять без наблюдения нельзя.

Мрачнел Олег все больше, Мрак однажды наорал, пытаюсь встряхнуть, Олег сказал торопливо:

– Мрак, не кричи... Ты не понимаешь. Да, я много сейчас могу... даже сам еще не знаю, на что способен мой организм. Но это мой организм, а не я! Я остался таким же дураком, каким вышел из Леса!.. Ну, конечно, у меня есть какой-то опыт...

Мрак хмыкнул:

– Ну да, какой-то. Совсем маленький. Если считать год за день. Нет, за час!..

– Мрак, я не о том. По сути, меня сейчас и человеком не назовут, если вдруг явлюсь в том... гм... в чем могу. Но я настолько до мозга костей человек, что половина этих двуногих, что носится по планете, куда возвышеннее меня, одухотвореннее, ближе к совершенству! Может быть, потому, что мы вышли из Леса, а они – из города? Из мира компьютеров и Интернета?

Мрак отмахнулся:

– Это они просто чаще руки моют. И зубы трут дважды

в сутки, представляешь?.. Утром и на ночь. Прямо больные какие-то. Нет, Олег, они такие же.

– То и оно, – сказал Олег. – Они такие же, я такой же... Я могу этот дом пройти насквозь, могу рельс хоть согнуть, хоть разорвать, как гнилую нитку, вижу такое, такое... Нет-нет, убери воду, я уже как-то хитрю, стараюсь смотреть по-старому. Я могу больше, в сто тысяч раз больше, но я такой же, как и они!.. А они такие же, как и я, который вышел из Леса!.. Это меня и пугает!

Мрак удивился:

– Что пугает? Что они такие тупые или что ты такой... недоразвитый? Ты, всегда такой четкий на слова, сейчас сам путаешься, как интеллигент в соплях.

Олег отмахнулся:

– Да что мне они... С них какой спрос?.. Родились, помельтешили перед глазами, исчезли. А я иду по странам и эпохам, сам создавал и державы, и религии, и...

Он поперхнулся. Мрак сказал услужливо:

– Если ты про эйнастию, то я молчу, молчу! Ни слова не скажу, не напомню.

Олег скрипнул зубами, лицо потемнело, но сдержался, только голос стал хриплый, скрежещущий:

– Но я остался таким же. Не умным, не мудрым, а всего лишь много знающим. Теперь вроде бы смутно понимаю, что не может один человек так уж высоко взлететь над своим племенем, даже если ему еще и третью нервную систему

включить, и мозг как у слона отрастит!

Мрак помолчал, взгляд его блуждал поверх головы Олега. А когда заговорил, Олег ощутил напряжение в обычно спокойном и насмешливом голосе Мрака:

– Олег, а ты помнишь?

– Что?

– Помнишь, как мы вышли из Леса?..

– Ну...

– Помнишь нашу полную беспомощность, наш страх, наше полное непонимание...

Олег покосился с удивлением:

– Да? Мне казалось, что это только мы с Тархом трусили.

Вернее, только я, Тарх трусить не умел. Но ты?

– Я не трусил, – признался Мрак, – как и сейчас не трушу. Но я тогда ни хрена не понимал, как и сейчас не понимаю. Но я бросался в бой, мы все бросались... и побеждали. Более того, мы делали доброе дело. Ну, не понимаешь больше половины сейчас... ладно, оба ни черта не понимаем! Ну и что? Надо вперед. Мы ведь все эти годы, все эти тысячи и тысячи лет чем занимались?.. Не знаю, что делал ты, но последнее великое мое дело, это когда Перо из клюва... Пора, Олег, снова за дела... что по плечу только нам. Возможно, призыв Тарха... это как раз то, что нас заставит вылезти из болота.

Олег не отвечал, но воздух вроде бы похолодел. Мрак приоткрылся, шерсть сама по себе поднялась на затылке. Олег

сидел неподвижно, глаза закрыл, голова откинулась на спинку кресла. Отдыхает человек, расслабил мышцы... Ничего с ним вроде бы не происходит, только чуть побледнел... правда, странно так побледнел. Не лицом, как бледнеют все, а побледнели и руки, и шея, и кожа на груди – даже посерел, Мраку почудилось что-то металлическое.

Он спросил нервно:

– Ты что? Кожу ожелезнил?

Веки Олега поднялись медленно, тяжело, словно поднимал чугунные ставни. Мрак застыл, белки глаз волхва серые, с металлическим отливом. Губы Олега шевельнулись. Мрак стиснул зубы, кулаки сжались так, что ногти впились в ладони. Голос Олега прозвучал, густой и одновременно тонкий, с множеством оттенков, словно дюжина человек заговорила одновременно разными голосами:

– Зачем только кожу?

– А что... и мясо?

– И... мясо, – ответил Олег. Он говорил медленно, с усилием, Мрак видел, как старательно Олег чистит свой голос, убирая из него все лишнее. Через несколько мгновений голос звучал уже почти неотличимо от прежнего: – И кости... Да и вообще...

Мрак сказал нервно:

– Знаешь, Олег, ты меня впервые... впервые пугаешь.

– А что не так?

– А ты, что... в самом деле и внутри железный?

Олег проговорил медленно:

– Мрак, это неплохо, конечно, железная шкура и танталовые кости. Убережет от удара по голове. Даже если кувалдой... Но, знаешь ли, я не хочу... да и не могу остановиться вот так на полдороге. Аристотель сказал, что стыдно состариться, так и не узнав, на что способны твои дух и тело. А может, и не Аристотель... не помню. Странные выверты памяти: рыжую бородку и оспины по всему лицу помню, а имя подзабыл...

Мрак встал, вышел, нарочито громко топая, на кухню. Слышно было, как хлопнул холодильник.

– А пиво пьешь? – донесся голос. – Или заржавеешь?

Олег осторожно поднялся:

– Дай подумать...

– Ха, подумать!.. Он будет думать, видите ли! Ты не ЭВМ случаем? Или вычислительный киборг?

– Если бы, Мрак... В том-то и дело, что могу больше, намного больше... чем человек и чем даже киборг... но я все тот же! Ну и что мне все те знания... а ведь они в самом деле были когда-то знаниями! Но куда теперь с двенадцатью тысячами способов запрягать лошадь, тремя тысячами способов выделки хомутов?.. Где мне пригодятся все тонкости жертвоприношений лягушек у гиксосов?

Мрак стиснул зубы, промолчал, только кожа покрылась крупной сыпью. Рука задумавшегося Олега удлинилась, стала тонкой, как виноградная лоза, такой же узловатой и коря-

вой. В дверном проеме был виден холодильник, эта нечеловеческая рука дотянулась до едва заметной утопленной ручки, пальцы зацепились, блеснул электрический свет.

Рука уже несла назад запотевшую бутылку с пивом. Мрак задержал дыхание, тонкая плоть руки вот-вот переломится, бутылка грохнется на пол...

Олег откупорил бутылку, зацепив крышкой за край стола. Жестяной колпачок слетел и покатился по линолеуму. Мрак незаметно перевел дыхание. Все-таки Олег человек. Умный бы догадался скovyрнуть крышку пальцем. А нечеловек просто трансмутировал бы остатки дерьма из кишечника в полноценное ячменное пиво. Если, конечно, нечеловеку еще интересно пиво...

Кадык Олега дергался, янтарное золото в запрокинутой вверх дном бутылке убывало со скоростью подстреленного дракона. Мрак сказал сварливо:

– Культурные люди не станут пить из горла, если в доме есть хотя бы пустая консервная банка!

– Тогда изменим культуру, – ответил Олег еще чуть бодрее.

– Ха, – сказал Мрак. – А ты не заметил, что мы уже почти не успеваем вмешиваться?

– Это тебе три «ха», – ответил Олег. – Я тебе об этом давно талдычу. А до тебя только сейчас дошло.

Он допил пиво, взял другую бутылку, Мрак не держал пива в жестянках, отпил, в задумчивости посмотрел на зо-

лотистую жидкость. Мрак застыл, Олег невообразимо быстро, просто сразу превратился в металлического человека. Не статую, а именно в металлическую фигуру, живую, что двигалась, переливалась, будто ртуть, но он всеми фибрами ощущал, что этот металл намного прочнее всех сортов стали.

Олег взглянул на него, коротко усмехнулся, серый цвет металла исчез. Олег сверкал золотом, все тело и лицо стали оранжевыми, Мрак с суеверным восхищением покачал головой. Попади Олег в Средние века, его тут же разодрали бы на части. Все-таки золото высшей пробы. Ну, попытались бы разодрать.

– Красиво, – сказал он. Ощутил, что голос дрогнул. – А как ты вообще... человек или уже нет?

Олег резко обернулся. У Мрака защемило сердце, ибо на него в упор взглянули зеленые глаза того самого насмерть перепуганного парня, который вместе с ним подошел к кромке Леса... они его полагали бесконечным!

Губы Олега затряслись, а голос сорвался:

– Мрак!.. Я ж говорю, самое гадкое... что я не просто человек, а хуже того... все тот же человек!.. Идиоты говорят, что без знания прошлого нет будущего... да я это прошлое на брюхе прополз, всеми внутренностями... ну и что? Что дало? Я знаю прошлое лучше, чем все историки мира... но вот стою перед неведомым и цепенею!

– Мы все цепенели, – выговорил Мрак. Он с усилием напоминал себе, что это тот же Олег, с которым столько про-

шли. – Забыл, как мы страшились выйти из Леса?

– Все помню, – ответил Олег убито. – Но тогда было легче... Правда, легче! Я тогда не был еще таким самоуверенным. А к этому времени что? Мы прожили сотни одинаковых, как мельтешащие мухи, эпох! Все знали наперед... И только теперь, когда все так резко изменилось и ускорилося, я не успеваю за той лавиной, которую мы же и вызвали! Поэтому мне страшно, Мрак.

По телу пробежал холод, так ощутилось, но настороженный Мрак видел, как кожа Олега уплотнилась, пошла чешуйками, роговыми наростами, потом сразу без перехода покрылась густым мехом, будто спасалась от арктического холода.

Олег вздохнул, разом все наросты, чешуя и шерсть пропали, а он сидел прежний, тонкошкурый, растерянный и напуганный. Некоторое время смотрел расширенными глазами в пространство, снова вздрогнул и посмотрел дикими глазами на Мрака.

– Ужас в том, что нам нужно почувствовать то, что другие всего лишь знают! Не понимаешь?

– Нет, – признался Мрак.

– Уже не только ученые, но и школьники знают, что якобы неделимый атом состоит практически из пустоты, что мы все из пустоты... и на самом деле облачко легкого пара над тарелкой супа и самый твердый гранит идентичны под мощным электронным микроскопом. То есть и там, и там – пустота, только между частичками пара расстояние в сто кило-

метров, а между частичками гранита – в девяносто восемь. Но все это знают как бы отделенной от нас коркой... а то даже не коркой, а изолированной пленкой на корке головного мозга. А вот нам, Мрак, это надо не просто знать, а... ощутить. Наверное, сердцем.

Мрак изумился:

– Сердцем? Олег, а ты стихи тайком не скребешь? Гусячим пером?

Олег шутки не принял, сказал зло:

– Спинным мозгом, дубина!.. Ты еще не представляешь, какой это ужас... и какая безнадежность заползает в твою суть, когда не просто понимаешь, а начинаешь ощущать, что весь ты из непрочного скопления атомов, а между ними – пустота, пустота, безграничный черный космос...

Мрак ухватил его за плечи, потрянул, ударил по лицу, ибо Олег разом смертельно побледнел, глазные яблоки закатились под лоб. Мрак сам со страхом ощутил под пальцами жуткий холод, словно тело Олега уже превратилось в ледяную глыбу, а сейчас стремительно переходит в нечто более страшное, космическое, где абсолютный нуль, где энтропия...

Он тряс его, пинал, орал, наконец Олег открыл глаза. Мрак отпрянул, по телу прошла волна животного страха. На него смотрел уже не человек.

– Олег! – гаркнул он. – Ну, ты же за этим пришел!.. Говори, что надо делать?

– Мрак, это опасно.

– Фигня!

– Это очень опасно.

– Говори, что мне надо сделать, чтобы... тоже. Сам понимаешь, иначе мы Тарха не достанем.

Олег закусил губы, посмотрел на Мрака уже как хирург на привязанный и обездвиженный объект для вивисекции.

– Источник энергии, – проговорил он и вздохнул. – Мрак, все дело в источнике энергии. Пока мы люди... вообще белковые, твой жареный кабанчик – самое то. Но, понимаешь, в кабанчике энергии маловато.

– А в песке больше?

– Больше. Намного больше.

– Ну, как знаешь. Хочешь, жри песок. Желудок у тебя ядерный?

– Термоядерный, – ответил Олег просто, без рисовки. – Но, если честно, я могу с таким же успехом и жареного кабанчика усвоить... Только удовольствия от него столько же, как от песка.

– Типун тебе на язык! Для твоего желудка нет ничего святого.

– Есть, – сказал Олег. Он подумал, кивнул. – Есть. Даже при этом желудке можно стать обжорой. Ты знаешь, какое удовольствие пожирать тритий? Дейтерий?

Мрак усомнился, потом оживился, снова усомнился:

– Врешь?

– Мрак, даже я ощутил...

– Ну, если даже ты...

Однако Олег смотрел на него с надеждой. Не просто с надеждой, а как будто снова только Мрак мог их с Таргитаем вытащить из болот, пропастей, спасти, обогреть, обсушить.

– Эй-эй!.. – сказал Мрак на всякий случай. – Я уже вижу, у тебя идеи... Ты с ними полегче. Эйнастию забыл?

– Мрак, какой ты...

– Ну да, зверь!.. Знаю. А ты ведь ангел. Но когда начинаешь вот так этими несчастными глазами, я уже чую, чем это кончится.

Олег с силой потер лицо ладонями, виновато улыбнулся, привычка, заговорил просяще, с нотками попрошайки под окнами:

– Мрак... дело в том, что ты это можешь... даже лучше, чем я.

Мрак посмотрел на него сочувствующе, постучал костяшками пальцев по столу.

– Лучше сплюнь, – посоветовал Олег.

– Это я спрашиваю, – объяснил Мрак. – У тебя как с головой? Твердая? Я имею в виду, литая? Без пустот, как у Таргитая?

– Мрак, ты ведь недавно перекидывался волком!.. А я вот уже и забыл, когда я птицей... В нас это есть, мы это можем, но только раньше в силу своей дремучести могли разве что в волков, все племя невра – оборотни!.. А я всегда был уро-

дом, в волка не мог, зато в ту страшную уродливую птицу, помнишь...

Мрак подумал, кивнул.

— Помню, — сказал он с удовольствием. — Как ты тогда зайца прибил!.. Не помню, кто кого в битве при Гавгамелах поверг, а вот зайца до сих пор помню. Жирный был, молодой. Крупный. Вчетвером одним наелись, это ж чудо... Так ты говоришь, что мы всегда могли?..

— В пределах, — сказал Олег. — В пределах.

— Ага, — сказал Мрак со злым удовлетворением, — вот начинается это сволочное... пределы, значит. А в каких пределах?

— В пределах своего понимания, дубина. Мы в Лесу, кроме деревьев да разного зверья, ничего не зрели. Деревья — для жилья да в костры, звери — дичь. Единственные, кто больше нас зверя бил и резал — это волки. Вот за ними нам было не угнаться. То ли из зависти, то ли от восхищения, но научились перекидываться волками. А что еще оставалось? Не в оленей же!

— А почему ты в это пернатое с рыбьей чешуей на спине мог, а остальные нет?

— Мрак, а каких птиц мы в Лесу видели? Синичек, дятлов, сорок да ворон?.. Зато когда вышли из Леса, узрели не только огромных птиц, но даже драконов! Разных. Вот тогда я и понял... ладно, во мне что-то поняло, что можно и в такое, с крыльями. Вообще-то, Мрак, я думаю, все люди это могут...

Все!

– Да? – спросил Мрак саркастически. – Но почему научились только мы?

– Мрак... Ты же знаешь, что все люди разные. У одних есть музыкальный слух, у других, как вон у тебя, медведь уши оттоптал... да еще и по морде походил, есть народы, вроде кубачинцев, где все сплошь – чеканщики по серебру, есть народы – весельчаки, есть народы, из которых слова клещами не вытянешь, а есть и болтуны... Мы, невры, оказались чуть чувствительнее вот в этом...

– Оборотничество?

– Пусть так, – ответил Олег сердито, – хотя я подобрал бы другой термин, если бы от безделья дурию маялся, как вон ты. Но сейчас объясняю тебе, чурбану, что ты можешь перевоплощаться еще проще, чем я!.. Для меня это всегда страх, усилие, сердце выпрыгивает... Я пришел к этому путем долгих размышлений, усилий, а ты в любой момент можешь хоть в волка, хоть в человека!

Мрак покачал головой.

– Но это в родного волка, а не в... Бр-р!.. Но с другой стороны, вот так рельсы гнуть, гм... Завидно. Чтоб ты рельсы гнул, а я нет?.. Так что, говоришь, надо делать?

Олег запнулся, сказал с усилием:

– Самое страшное... Для меня, по крайней мере. Думаю, что и для других... не легче. Потому пока только я один на всем свете...

– Ну-ну!

– Надо вообразить, Мрак. А это...

– Трудно?

– Нет, страшно.

Мрак ответил с достоинством царя природы:

– Фигня, мне ничо не страшно.

– Мы все из одних и тех же атомов, – сказал Олег хрипло. – Звезды, пространство, куры, люди, камни... И даже я! Ты, черт с тобой, ты как хочешь, но я... Понимаешь если бы вся Вселенная вдруг погибла... ну, вообще исчезла, то по мне... даже по тебе ее можно воспроизвести целиком. Да-да, ведь все физические, химические, атомарные и все закономерности у нас совпадают!

– Это тебя и пугает?

– А тебя нет?

– Ничуть...

Он поперхнулся. Олег напрягся, застыл, глаза уставились в одну точку. Тело его стало серым, лоб и кончик носа заблестели, но это был металлический блеск. Мрак потрогал, затем постучал ногтем по его носу, по лицу. Везде чувствовалась крепость, да что там крепость – он чувствовал структуру металла.

– Ого!

Серые глазные яблоки сдвинулись в орбитах. Зрачков Мрак не увидел, но взгляд ощутил, словно его пронзил пучок тепловых лучей. Олег смотрел на него в упор, лицо оста-

валось неподвижным. Потом Мрак с холодком на спине увидел, как металлическая маска чуть изменилась, губы задвигались, это выглядело страшновато, а голос прозвучал чужой, словно синтезированный на мощном движке объемного звука:

– Ну что, хвост поджал? Вот об этом я и говорю. Ты можешь это.

Мрак перевел дыхание, колени трясутся, но он сказал независимо:

– Так это же... Это же здорово!

Олег несколько мгновений оставался металлическим, потом разом перетек в обычное существо на три четверти из воды, дерьма и слабого мяса. Мрак поморщился, хотя сам такой, Олег сказал горько:

– Мрак, это не по щучьему велению!.. Чтобы так сделать, сперва надо представить всю эту жуть... вытерпеть, сосредоточиться... а тут попробуй сосредоточиться, когда от ужаса умираешь сто раз в минуту! А потом представить себе, как бы хотел изменить структуру своего тела...

Мрак по одной бросал в рот маслины, шевелил бровями, на лбу появились складки.

– А что с твоими мелкими? – спросил он. – Помнишь?

– А ничего, – ответил Олег равнодушно. – Это раньше меня, признаюсь, как-то потрянуло: а что, если мелкие станут развиваться еще и еще, то зачем им мое тело? Разлетятся в стороны, и... кончусь я как Олег. А потом смотрю, не фига

они больше не развиваются. Долго думал, иногда по два раза, теперь считаю, что существуют пределы, обусловленные размерами. Теперь только уточняю, размерами биологических тел. Потому и не развились муравьи, хотя создали цивилизацию, высочайшую для своих размеров и уровня насекомых. Увы, Мрак, человек в его животном теле тоже имеет пределы для развития. Пока граница еще не видна, но она есть. Возможно, очень близко.

Мрак слушал-слушал, прогудел:

– Но мы уже из другого мяса.

– Это я уже, – ответил Олег педантично, – а ты – еще там.

Биомасса несчастная.

Мрак подумал-подумал, это было непривычно – думающий Мрак. Олег привык видеть его действующим, с секирой в руках, с кувшином вина, гневным или хохочущим, но решения он принимал мгновенно, по озарению, ошибался редко, спинной мозг либо отвечает правильно, либо тупенько молчит... затем жестокое лицо дрогнуло в сдержанной усмешке.

– Ошибаешься.

– Уверен? – спросил Олег настороженно.

– Да, – ответил Мрак. – Думаешь, я с того разу ничего не научился?.. Ну, когда мы рушили Башню-два?

Он встал из-за стола, посмотрел в сторону двери. Олег видел, как шелохнулись остроконечные уши оборотня. В доме

почти пусто, Каролина ушла в деревню, Мрак повернулся к Олегу, глубоко вздохнул, напрягся. Кровь бросилась в лицо, мышцы напряглись, вздулись, едва не разрывая одежду.

Тело начало удлиняться. Голова медленно вытягивалась, стала размером с лошажью, только в широкой пасти блеснули длинные острые зубы. Клыки не помещаются во рту, еще бы, Мрака ни за какие пряники не превратить в травоядное, одежда затрещала и лопнула сразу в трех местах. На месте Мрака стоял неведомый зверь, чем-то похож на крокодила, на медведя, но задние лапы как у уссурийского тигра.

Мрак с трудом переступил с лапы на лапу, пошатнулся, даже замахал передними, но устоял, затем его фигура так же медленно пошла вниз. Он превратился в мощного зверя, наподобие дикого кабана, для устойчивости встал на все четыре, но лапы оставались широкими, а острые когти со скрипом царапнули паркет.

Он посмотрел на Олега налитыми кровью глазами, хрюкнул, встряхнулся. Олег кивнул, сказал:

– Неплохо... для начала.

Мрак прорычал что-то, но пасть зверя для красивых речей ни к черту, припал по своей привычке оборотня к земле, а поднялся уже страшным зверем на толстых, как колонны, лапах. Широкая грудь, огромная голова с острыми рогами, однако и здесь остался себе верен: ну никак не может вообразить себя на копытах, снова когти процарапали паркет.

Олег ожидал, что Мрак покажет что-то еще, но тот вер-

нулся в свою старую личину, весь мокрый, со лба бегут ручьи пота. Даже волосы слиплись, грудь бурно вздымается, кровеносные сосуды в глазных яблоках полопались, там все залило кровью, а под глазами повисли тяжелые темные мешки.

– Здорово, – сказал Олег. – Я бы так ни за что не смог вспотеть.

Мрак что-то прорычал, едва не задохнулся, закинул руки на спинку дивана, отдыхал, как боксер между раундами.

Олег сказал вежливо:

– Я понимаю, тебя сейчас надо хвалить и хвалить. Ты ж в самом деле молодец! Этого мы раньше не умели. Но, если честно, Мрак, это не совсем то. А если честно, совсем не то.

Мрак, донельзя гордый и счастливый, возмутился:

– Ну да!.. Это ты от зависти!.. Ты видел, видел, какие у меня чешуйки были на хвосте?.. А гребень?

– Извини, не рассмотрел. Да и не было никаких чешуек.

– Как это не было?

– А так, не было. Ты не сумел...

– Не бреши, – сказал Мрак. Потом спросил: – Ну хоть гребень-то был?

– И гребня не было, – ответил Олег честно. – Да, Мрак. Ты научился трансформироваться в любого зверя... Ладно, еще не в любого, но теперь можешь, можешь. Раньше от этого можно бы на ушах ходить целое столетие. Как же, такое достижение! Но сейчас, когда простые люди чудеса творят каждый день... Понимаешь, это – перестройка не атомарная,

а на уровне молекул. Биологическая перестройка, Мрак. Из одной органики в другую.

Мрак сказал рассерженно:

– И что, другие могут?

– Нет, конечно, – сказал Олег. Добавил: – Пока что. Но когда-то смогут. Может быть, даже скоро.

– Олег, признайся, ты просто завидуешь! Тебе никогда в такого красивого зверя не перекинуться. А я вот сумел. У тебя и тот старый птеродактиль какой-то серый да уродливый был. И сейчас ты в такие чудища перекидываешься, что как будто из старых чуланов вытащили из-под тряпья. Ей-богу, я даже запах нафталина слышал!

– Ладно, Мрак...

– Что, признаешься?

– Ладно, – повторил Олег. – Тебе надо отликовать, насладиться, привыкнуть. Может быть, даже полетать над миром в этом гадком облике.

– Полетать? – повторил Мрак. – Ну, знаешь... Я, вообще-то, волк, летать как-то не люблю. Да и некогда. Тарху ведь погано, а она, зараза, сама лампочку... Так что тебе, вечно недовольная скотина, опять не так?

– Мрак, ты все сделал здорово, честно. Но мир ускорился, цивилизация стремительно ускорилась. Вот и мы должны ускориться, чтобы не пришлось заносить за нею хвост на поворотах. Еще пару веков тому с этим превращением можно бы остановиться, неспешно исследовать, вникать, опро-

бовать все варианты... Но не сейчас. Мрак, ты освоил трансформацию на молекулярном уровне. Но ты не можешь сделать шкуру стальной, вот в чем дело. А я могу! Это и есть другой принцип. Здесь перестройка уже на атомарном уровне.

Мрак облизнул сухие губы. Привычно насмешливый мужественный голос дрогнул:

– И как тебе... в этой атомной бомбе?

– У тебя такая же, – ответил Олег педантично.

– У меня, такого вот волосатого?

– Мрак, не прикидывайся... Мы все – атомные бомбы, только никто об этом не думает. И все на свете – атомные бомбы, а то и... похуже. Только я уже начал этими ядерными процессами управлять, а ты еще ушами ляпаешь, как кит хвостом по воде.

– Что, так громко?

– Нет, по-дурному.

– Дурень, он так рыбу глушит. Как динамитом.

– Вообще-то, самок подзывает, – поправил Олег педантично, – но дело не в этом.

Мрак сказал осевшим голосом:

– Только ты смотри... не нажми красную кнопку. У тебя как со зрением? Не дальтоник?

– Да я не стал мудрствовать, – ответил Олег, Мрак ощутил в его голосе смущение. – Все то же самое. Все двигательные мышцы оставил... ну, почти в прежнем виде. Да что там по-

что – в прежнем.

Мрак сказал саркастически:

– Ну, жрать песок – это я понимаю, все по-прежнему. Ты и раньше всякое... дерьмо ел, не смотрел, что перед тобой на стол ставят. А как же летать?..

– Ты во сне летал? И я летал. Вот теперь делаю то же волевое усилие, как если хочу взлететь, и... те мышцы, что достались от птеродактиля, бросают меня в воздух. Они есть у всех, только меня уже поднимают, а у других даже не трепыхнутся. С остальными... все то же самое.

Глава 5

Каролина быстро и умело нарезала семгу. Тончайшие красные ломти красиво загибались, отваливались под широким острым ножом. Олег посмотрел, как растет горка этих влажно блестящих деликатесов, в желудке шевельнулось, там голодно квакнуло.

– Ага, – сказал Мрак победно. – А песок, наверное, жрешь без аппетита!

– Не жадничай.

– От чистого сердца – можно.

Девушка ничего не поняла из странного диалога, у мужчин свои шутки, но от их близости горят щеки, кровь вскипает, а ноги становятся слабыми. Оба такие разные: один широкий, черноволосый, с грубым мужественным лицом, слегка побитым оспой, другой потоньше, с красными, как закат солнца, волосами, печальным лицом и удивительно зелеными глазами, но оба в чем-то очень похожие – сильные, с огнем внутри, что настораживает мужчин и так привлекает женщин, но сейчас оба очень встревожены, озабочены, а у гостя в глазах постоянная тревога и даже затаенный страх.

Она принесла широкое блюдо с гроздьями винограда, исчезла, успев бросить этому красноголовому многообещающий взгляд. Жаль, что почти не показывается из своих комнат. Даже обедать выходит в разное время, не перехватить

его, не коснуться вроде невзначай рукой, бедром или грудью, чтобы ощутил зов ее плоти...

Олег в самом деле урывал только три-четыре часа на сон, остальное время занимался какой-то хренотенью, по выражению Мрака, хотя Олег на полном серьезе объяснил, что хренотень – это тень, отбрасываемая хреном, а он старается ощутить переход в иное состояние всем существом, инстинктами, чтобы делать это проще, без участия сознания, закрепить, чтобы мог существовать в нем дольше чем пару секунд. Возможно, в будущем что-то удастся сделать и со сном, но, похоже, сон – более фундаментальный закон для всего живого, чем он ожидал.

Мрак ходил на цыпочках, только бы не помешать. Олег, являясь к обеду, всякий раз наталкивался на взгляд коричневых глаз, жадный и вопрошающий.

– Пока ничего, – отвечал он всякий раз. – Учусь...

– Да ты же умеешь! – однажды взорвался Мрак. – Просто растяни эти секунды на часы!

Олег сказал тяжело:

– Мрак... Я все-таки трусом как был, так и остался. Я уперся в стену. Не потому, что непроходима, а просто... страшусь идти дальше. Но вот ты... или нет, вдвоем с тобой мы прошли бы. Ну, как всегда, ты ломишься впереди, аки буй-тур, а я, как пугливая коза, – следом. Но и тебе не скучно, все-таки хоть коза рядом...

Мрак смотрел с подозрением. Коричневые глаза блеснули

сердито.

– Подмазываешься? Я мог ломиться через лес, а не через эти... научные дебри.

– Мрак, – сказал Олег торопливо, – я же рядом!

Мрак подумал, кивнул.

– Если я смогу добраться уже до того, что ты умеешь... да прекрати ты топорщить гребень!.. Тоже мне, динозавр хренов. Говоришь, уже можно и мне дальше? Вот прямо так: выпучив глаза и... напролом?

– Можно, – ответил Олег тихо. – Можно, Мрак.

– А почему шепотом?

– Страшно, Мрак. Страшно, потому что не вижу, где остановимся на этот раз.

– Хе, подумаешь!

– Давай, Мрак, – сказал Олег. – Ты сможешь!.. Мы всегда могли, понимаешь?

– Ну да, – сказал Мрак саркастически. – Даже в родном Лесу!

– Даже в родном Лесу, – ответил Олег серьезно. – А что? Да, кроманьонец вполне мог решать дифференциальные уравнения... ему только никто не показал эти уравнения. И не показал, как их решать! Так и мы в Лесу... что мы знали в Лесу?

Мрак сказал с натугой:

– Не гавкай под руку. Что-то чувствую... не могу понять, что.

– Просто чувствуй, – сказал Олег горячно. – Просто научись чувствовать, что ты... что ты не из костей и мяса, а из молекул. Представь себе их! Как только сумеешь вообразить достаточно ярко, то половина дела уже сделана. Вторая половина – контролировать, указывать, повелевать этим бездумным стадом своих клеток! А потом все так же точно... с атомами.

Сам он сутками просиживал перед компьютером. На экране часто сменялись яркие картинки интернетовских сайтов. Мрак заглядывал в его комнату сперва часто, потом перепоручил Каролине.

Перед Олегом время от времени появлялись тарелки с едой, бутылки, стаканы. Он что-то ел, не отрывая взгляда от экрана, иногда пил. Как-то услышал за спиной испуганный вскрик девушки. Похоже, в рассеянности снова съел бифштекс вместе с тарелкой. Глупая, ей же меньше мыть...

Однажды на плечо опустилась тяжелая рука. Кожа и мышцы инстинктивно уплотнились. Он сам удивился, с какой скоростью и как бездумно, ведь совсем недавно подобное требовало немалых волевых усилий и концентрации всего внимания.

– Ого, – сказал сзади голос.

Мрак пощупал, плечо как литая двутавровая балка, сказал с завистью:

– Да, тобой можно минные поля разминировать... Если у тебя и снизу такое же. Пойдем, кое-что покажу.

Олег покорно спустился с ним на первый этаж, вышли во двор, широкий и просторный, но Мрак пошел к воротам.

– А здесь места мало?

– Из окон могут смотреть, – ответил Мрак. – Да и Коля в будке на воротах не спит. У меня все бдят, понял?

Охранник на воротах удивился, но смолчал, до города полста километров. У кого есть машина, тот даже в ближайшую булочную старается на ней. А тут только лес, лес...

Мрак двигался через чащу с привычной грацией лесного человека, когда ни сучок не треснет, ни ветка не шелохнется, даже птицу не спугнет, а подкрасться может так близко, что выдернет перо из хвоста.

Зелень двигалась справа и слева, проступила за деревьями поляна, солнечный свет падает на середину. Мрак огляделся, его владения, Олег опустил на пень, буркнул:

– Показывай.

– Да тебе это неинтересно...

– Не ломайся, – предупредил Олег хмуро. – Думаешь, здесь нет опасности?.. Побольше, чем в краю драконов!

Мрак посерьезнел, сказал, оправдываясь:

– Да я по мелочи уже пробовал. Там, дома. Но когда Ка-ролина едва не наткнулась...

Олег холодно молчал. Мрак вышел на середину, сбросил рубашку, застыл как столб, напрягся. По телу пошла медленная волна. Кожа посерела. Долгое время ничего не происходило, потом проступили мелкие бугорки, уплотнились. Еще

минут через пять бугорки превратились в плотные чешуйки.

Олег поднялся как можно тише, чтобы не спугнуть, обошел Мрака по широкой дуге. Так и есть, на спине чешуйки крупнее, толще. Даже с небольшими шипами в середине. Сознательно или нет, но Мрак копирует тех зверей, с которыми уже сталкивался. Или же просто пробуждает то, что у нас на генетическом уровне. Ведь каждый в утробе проходит все стадии от амебы до человека... Вон и жабры отрастил! А на пузе чешуя едва заметная, ровная, блестящая, под цвет неба, так видит его хищная рыба из глубины.

Чешуя медленно таяла, исчезала. Олег уже изготовился, что Мрак примет обычный вид, но чешуя превратилась в ровную серую поверхность. Олег всмотрелся, сказал тревожно:

– Мрак, прекрати! Это опасно. В камень нельзя превращаться... пока еще.

Он сел, дождался, пока Мрак вернулся в свою личину, оборотень рухнул без сил, растянулся на траве вниз лицом. Дышал тяжело, с хрипами.

– По...че...му? – выдохнул он. – Я сам почувствовал, но почему...

– Я не становлюсь камнем, – ответил Олег втолковывающе. – Я просто перехожу на кремнийорганику. А ты пытался, дурень, стать камнем! Стать бы ты стал, но взад тебя уже никто бы не вернул.

– А что, жалко стало?... – спросил Мрак в землю. – Лад-

но-ладно, не ври. Но все-таки давай хвали меня, скупой злодень!

Олег сказал с жаром:

– Мрак... Ты даже не представляешь, как ты много сделал! Да не для себя, мне ты по фигу, а для меня, любимого. Это ж теперь тебя можно по минному полю! Ты у нас герой. А я – трус, я потихоньку за твоей широкой спиной.

Мрак перевернулся на спину, коричневые глаза некоторое время оставались серыми, как бетон. Дыхание уже выровнялось.

– Что дальше?

– Дальше, – ответил Олег. – Сперва догони меня. Ты сможешь. А вот потом...

– Понятно, – буркнул Мрак. – Впереди минное поле.

Каролина сновала между деревней и усадьбой Мрака. Ее хозяин и его гость не буянили, не закатывали пирушек, но пожирали все, что она принесет, как стая саранчи.

Мрак через пару дней вошел в комнату Олега, тот горбился за компьютером, сказал с порога:

– Ну что, показать тебе еще что-нибудь?

Олег обернулся, он иссох за это время и пожелтел, как мертвец. Выглядел так, словно пожирает изнутри скоротечная болезнь, как будто во всем теле горит жар. Мрак подошел ближе и в самом деле ощутил волну теплого воздуха. Кожа волхва нагрета не меньше чем до сорока градусов. Сколько

же там, внутри...

– Не надо, – ответил Олег мертвым голосом. Увидел, как дернулось лицо Мрака, сделал небольшое усилие, было заметно, сказал уже обычным размеренным голосом: – Мрак, я догадываюсь, что ты научился что-нибудь из плоскости...

– Какой плоскости?

– Ну, там кроме ящера умеешь еще и в рыбу... Но, Мрак, надо подниматься на следующий этаж. Или, вернее, опуститься на порядок ниже.

– Так опускаться или подниматься?

Олег смотрел мрачно, потемневший, с запавшими глазами. Темные круги стали гуще, нос заострился.

– Сам определяй, – ответил он снова механическим голосом. – Если пойти вглубь, это как?

Мрак посерьезнел:

– Ладно, ты всегда так. Не даешь распустить павлиний хвост. Я бы тебе показал такую рыбку! Ты такой никогда не увидишь. Даже после двойного Чернобыля. Но, наверное, ты где-то каким-то боком чуточку прав, хоть и рыжий. Я все равно не могу рельсы гнуть. Не получается. Так что, гришь, надо?

– Всего лишь посмотреть, Мрак.

– Как Коперник на Землю?

– Да, хороший пример. Может быть, ему было труднее. Тебе ведь надо увидеть, представить, вообразить и... главное, поверить в то, что на самом деле существует и давно

доказано наукой. И сотнями точнейших экспериментов.

– Говори проще, Аркадий Аркадиевич! Ты про атомную решетку?

– Про нее, – ответил Олег.

– Взломаем, – ответил Мрак уверенно.

– Только... будь стоек. Это не для слабых.

– Это я слабый? – спросил Мрак угрожающе.

– Мускулы не помогут, – ответил Олег печально. – Лучшая защита – это тупоумие. Хотя, конечно, как я этого не подумал...

Мрак перехватил его изучающий взгляд, сказал угрожающе:

– Это ты на что намекиваешь?.. Я, между прочим, уже пробовал. Ну, всматривался. Пока ни хрена, но один разок, правда, тряхнуло... И слабенькая жуть пробрала, будто космическим холодом пахнуло.

Олег хмыкнул. Мрак спросил подозрительно:

– Что тебе опять не так?

– Пахнуло, – повторил Олег. – А вот когда коснется кожи... А вот когда начнет входить в тебя, в твою плоть...

Мрак представил себе, как космический холод касается его тела, забирается под кожу, содрогнулся всем телом так, что лязгнули челюсти.

– А ты, – спросил он, устыдившись, – запустил?

– Под кожу? – спросил Олег. – Нет, Мрак... копай глыбже. Этот холод у меня уже в костях... Кстати, есть у тебя комп

помощнее? Эта черепаха уже достала.

Мрак обиделся:

– Помощнее? Да это и есть самый мощный!

– Из тех, что в широкой продаже? – спросил Олег язвительно. – Мрак, ты меня удивляешь. Тебе что, денег жалко? Я, к примеру, любой комп могу изъять из академического или военного центра. У меня у самого пара десятков институтов разрабатывает новые принципы обработки информации... И самый мощный на свете комп, еще не пущенный в серию, у меня всегда на столе, всегда включен, всегда как Микула Селянинович.

– Что? – не понял Мрак.

– Пашет, говорю, – ответил Олег сердито. – В той же пропорции к твоему компу.

Мрак сказал бодро:

– Дык в чем проблема? Щас, погоди!

Он цапнул со стола мобильник, бросил несколько слов. Через пару секунд щелкнуло, милый женский голосок что-то спросил, Мрак ответил, что именно ему надо. Женщина весело щебетала, улыбка медленно сползла с лица Мрака. Он начал говорить отрывисто, покосился на Олега, заставил себя улыбнуться, но голос становился все раздраженнее.

– Ну что, – сказал Олег, когда Мрак сердито отшвырнул телефон, – столкнулся с реалиями?

– Да она просто дура, – сказал Мрак обозленно. – Им деньги прямо в руки прут, а у них то обед, то праздники, а на

дом они и вовсе компы такого класса не возят! Идиоты. Дешевые возят, а сервак – нет. Сказано, Россия. Все здесь через задницу.

Олег прервал:

– Просто поедem сами.

– Сами? Подожди, я щас позвоню их начальству, они у меня забегают!

Олег поморщился:

– Мрак, ты еще ребенок. Мне нужен сервак, а не улучшение климата в их коллективе. Сервер можем взять сейчас, а через скандалы и жалобы – через неделю. Что-то непонятно?

Охранник на воротах едва успел распахнуть ворота перед джипом. Мрак гнал машину, как будто собирался взлететь. На проселочной дороге бросало из стороны в сторону, едва не выбрасывало навстречу деревьям, и, только когда показалось асфальтовое полотно Окружной дороги, Олег перестал ожидать неминуемого удара о деревья.

Шоссе стремительно бросалось под колеса, новенький пунктир разметки мчался навстречу и пропадал под машиной. По обе стороны тянулись ажурные столбы фонарей с изящно склоненными там в вышине над асфальтовой полосой фонарями. Столбы мелькали с обеих сторон и стояли так часто, что казалось, будто машина несется в тоннеле или некой трубе, вроде бесконечного парника, накрыта прозрачной пленкой, а по обе стороны шоссе – неухоженный, дикий и враждебный мир.

По зеленому полю справа идут сумасшедшие с рюкзаками за спинами. Протоптанная в траве кривая тропа уводит в лес, обычный осточертевший лес, прошлое человека, дикое и невежественное прошлое. Эти идиоты будут наслаждаться «нетронутой природой», не замечая второй природы, что создается людьми. Не ими, конечно, а настоящими людьми, что создают цивилизацию, культуру, прогресс.

Мрак перехватил его взгляд, оскалил клыки в усмешке.

– Чо ты хочешь?.. Они ж не насмотрелись на природу, как мы. Они ж родились прямо среди компьютеров, телевизоров, кондиционеров, мобильных, Интернета... Это мы все не можем наесться.

– Я никогда не наемся, – сказал Олег. – Я же человек?

Мрак смолчал.

В магазине серверов такого класса не нашлось, пришлось ехать на фирму, а оттуда – на склад. Полдня утрясали формальности, гражданам такого класса низзя, то да се, выписали на имя честно существующей фирмы, их у Мрака штук пять, заплатили наличными, что ускорило дело, видно было, как руководители переглянулись и в глазах замелькали цифры: кто сколько урвет для себя лично и как проведут через бухгалтерию, чтобы не заинтересовать налоговую полицию.

Чтобы загрузить в багажник, пришлось сложить заднее сиденье. Мрак наконец прыгнул за руль, машина послушно выползла задом на дорогу. Олег уже сидел в соседнем кресле,

отрешенный, глаза бездумно смотрят вдаль, но теперь Мрак подозревал, что волхв в самом деле что-то видит со своим ультрафиолетом и гамма-лучами.

Снова неслись через город, то и дело попадая в пробки, заторы. Мрак злился, вылезал на тротуар, однажды проехал через скверик, пугая дам с собачками, наконец добрались до Окружной, здесь уже выжал до ста восьмидесяти, и даже Олег не стал останавливать, поглядывал в сторону леса, вот-вот доберутся, засядет, наконец-то рассчитает все взаимодействия...

Он раньше Мрака успел заметить неладное. На той стороне шоссе движение чуть гуще, вдали показался темный «мерс», опасно играл в «шахматку», ловко обгонял, вклинивался, вырывался вперед, мгновенно захватывая любое освободившееся пространство...

Опасность «шахматки» в том, что не все такие крутые и опытные, кто-то испугается, резко затормозит или сдвинет машину в сторону, что на такой скорости чревато, так и случилось: красный «жигуль» испугался подрезки, шарахнулся в сторону, а темный «мерс», пытаясь обойти по резко сузившейся полоске, ударился о бетонную полосу ограждения, снес ее, хотя должен был взлететь вверх, и, как танк, выскочил навстречу.

Олег успел увидеть белое лицо водителя за рулем. Мрак пытался избежать лобового удара, но у машины инерция больше, чем у его мускулов. Лоб в лоб, их тряхнуло, швыр-

нуло вперед. Олег услышал визг тормозов, скрежет раздираемого металла, и тут же с грохотом и выбросом огня взорвался бензобак. Сперва у чужой машины, потом их...

Мрак чувствовал, как в лицо со страшной силой ударил тугой горячий воздух, ожег. Он тряхнул головой, раздвинул искореженные листы металла, горящий пластик, отодвинул согнутую и смятую баранку.

– Олег, – сказал он рассерженно, – ты как?

Рядом загрохотало, с жестяным треском лопнул чудом уцелевший привязной ремень. Олег вышел из пламени такой же злой, даже взбешенный. Лицо его было страшным, перекошенным. Мрак увидел красные глаза, а клыки показались из рта, длинные, как ножи.

– Что за идиот!

– Да накурился, наверное, – ответил Мрак.

– Ты идиот, – прорычал Олег. – Не мог вывернуть?.. Что от нашего сервера осталось?

– Не мог, – огрызнулся Мрак. – Ты не стой в огне, штаны уже горят...

Брюки не просто горели, а полыхали, как и рубашка. Олег вышел из огня, лицо оставалось злым и перекошенным, таким Мрак видел мирного волхва очень редко. За спиной к небу рвался яростный оранжевый огонь, жадно и с воем пожирая бензин, масло, обшивку и пластмассу обеих машин. Они слились в месиво из смятого блестящего металла, что быстро темнел и покрывался копотью. По асфальту рассы-

пались стекла, даже удивительно, откуда их столько.

Мрак похлопал по бедрам ладонями, сосредоточился, огонь тут же погас, но от брюк остались только короткие шорты, да и то в ржавых дырах. Рубашка превратилась в открытую сажей майку.

– На себя посмотри, – сказал он зло. – И что теперь?.. Пешком?

Олег ответить не успел, на той стороне дороги затормозила машина, видно было, как водитель схватил мобильник и что-то быстро-быстро кричит, потом газанул и рванул дальше.

– Гуманист, – сказал Мрак недобро. – Милицию вызвал!..

– «Скорую», – предположил Олег.

– Милицию, я же слышал! Нет, чтобы остановиться, вдруг да помочь надо...

– Брось, – ответил Олег. Он поморщился. – Видно же, что никто не уцелел. А мы, чересчур целые, похожи на братков...

– Почему братков?

– Потому что целые, – объяснил Олег, как глухому. – В засаде сидели.

Мрак зарычал снова, но Олег подошел к бетонной стене ограждения, исчез. Мрак присмотрелся, сказал злорадно:

– А тень от тебя осталась!

– Посмотрим, как ты смимикрируешь, – слышалось из темноты.

Положение было преглупейшее, вроде бы и невиновны, но

всяк прицепится: а почему не пострадали? Нет, чтобы радоваться, что два хороших человека уцелели. Но для милиции нет хороших или плохих, есть только подозреваемые.

Мрак вышел на шоссе, проголосовал. По чисто русской привычке многие притормаживали, чтобы посмотреть на горящие, сцепившиеся в клинче машины, но никто не остановился. Олег перестал прятаться, тоже вышел на середину, Мрак увидел, как новенькая «девятка» вдруг затормозила так страшно, что из-под колес пошел дым.

Олег махнул Мраку, они разом открыли дверцы с обеих сторон заднего сиденья, ввалились, Олег сказал буднично:

– Давай по Окружной, а потом остановишь на перекрестке. Я скажу, где.

Мрак с сожалением оглядывался на удаляющийся костер. Далеко впереди замигали проблесковые маячки, донесся вой сирен. Навстречу пронеслись две патрульные машины, за ними – «Скорая».

Водитель гнал машину на предельной скорости, на вопрос Мрака не ответил, а Олег бросил, поморщившись:

– Он в трансе. Не обращай внимания.

– Не вспомнит?

– Нет. Но... черт бы побрал! От умного остережешься, но вот попасться на такой глупости?

Мрак пробурчал:

– Так это и есть реальная жизнь. И что теперь? Может быть, вернемся?

– Рабочий день кончился, – ответил Олег зло.

– Ну и что? Я видел, там еще два таких ящика.

– Да ладно... То не такие. Этот привезли по заказу Центрального банка.

– Хэ, а ты его умыкнул? Нет, ты погоди! А как же без компа?

– Надо суметь, – огрызнулся Олег. – Я все умею, волчара ты безрукая. Я только хотел сократить работу.

– Хорошо, хоть не безлапая. А как же все-таки... без компа?

– Мы сами компы, – ответил Олег. Глаза его неотрывно смотрели перед собой. – Слишком многое привыкли перекладывать на технику.

– Ого! Ты в самом деле умеешь считать, как калькулятор?

– Заткнись. Приедем, тебя тоже заставлю.

Однако, когда приехали, по дороге еще таким же образом сменив три машины, успели только пообедать, Олег отодвинул тарелку и собрался идти в свою комнату, как в кармашке Мрака звякнул мобильник. Мрак схватил, приложил к уху. Олег видел, как лицо оборотня посерьезнело. Он слушал внимательно, челюсти стиснулись, под смуглой кожей проступили желваки.

– Оставь пост, – произнес он ровно, – и давай без задержек сюда... Не спорь, я сказал!

Отключил, сунул мобильник в нагрудный карман. Олег

поинтересовался мрачно:

– Неприятности?

– Храбрый чересчур, – буркнул Мрак. – Правда, он многое умеет...

– На тебя кто-то собирается... как теперь говорят, нае-
хать?

– Да есть тут, – ответил Мрак, морщась. – Ты не подумай, просто случайность. Я не учел, что в этой дыре, где электричество подают в дома на треть суток, где горячую воду отключают на полгода, какие-то энтузиасты ухитрились все к черту компьютеризировать! Кто ж знал, что они перенесут на харды даже записи в родильных домах?.. А кому-то из тех, кто любит покопаться, кому за это платят, взбрело в голову сопоставить разное... Или кто-то очень уж старательно копал под меня, собирал все сведения.

Олег сказал с отвращением:

– Ну, Мрак, это просто стыд. За пять тысяч лет мог бы научиться прятать следы.

– Раньше было просто, – буркнул Мрак. – Переехал в другое село, и уже след потерян. А сейчас все записывается... Ладно, я сейчас...

Дверь распахнулась, вошел Михаил, охранник. Крепкий, подтянутый, немножко злой. Взглянул на Мрака вопросительно. Мрак отмахнулся:

– Поднимись на второй этаж. Лучше бы запереться...

Михаил сказал с обидой:

– Обижаете!..

– Да ладно тебе, – сказал Мрак. – Ты один, а домик уже окружило человек десять таких же десантников.

– Четырнадцать, – поправил Олег. – И еще пятеро снайперов заняли позиции. На дороге стоит глушилка, любые радиопередачи подавит...

Михаил с уважением взглянул на Олега. Мрак прислушался, сказал почти весело:

– Ага, вон полковник собственной персоной. Михаил, я что велел?

Михаил удалился с видом оскорбленного достоинства. Он всеми телодвижениями старался показать, что ничуть не уstraшилcя и четырнадцати, а уходит только потому, что при найте обязывалcя подчиняться.

Дверь распахнулась, вошел довольно высокий мужчина в хорошо сшитом костюме. Интеллигентный, с хорошими манерами, он чуть помедлил, переступив порог, деликатно осматриваясь, потом решительно пошел через холл к Мраку.

– Вы еще помните меня? – спросил он мягким голосом.

– Ба, – сказал Мрак с наигранным удивлением. – Полковник Сиромаха! Какими судьбами? Как сюда занесло орденоносного героя взятия Перенга, специалиста по тайным операциям, которому вчера глава ГРУ присвоил очередное звание... пока невидимое?

Мужчина кисло усмехнулся:

– Я вижу, у вас очень длинные руки. Или очень зоркие

глаза. В нашу картотеку заглянуть очень непросто. Позвольте присесть?

– Да, прошу, – сказал Мрак и указал на кресло напротив. Он заметил, что Олег делает какие-то знаки, и вспомнил, что полковник не повел в его сторону даже взглядом, словно в холле были только они двое. – Что будете пить?

Полковник сел, покачал головой:

– Не могу. На службе.

– Ну хоть чарочку? – сказал Мрак лукаво. – Такого вина вы даже в своем управлении не отыщете.

– В моем управлении даже зарплату не всегда удастся получить вовремя, – ответил полковник. – Увы, время все еще нелегкое. Но я пришел к вам, чтобы повторить предложение...

Мрак развел руками:

– И для этого вам понадобилось четырнадцать десантников группы «Сокол»? И пять снайперов?

Лицо полковника слегка дрогнуло. Он мгновение всматривался в лицо Мрака, с усилием растянул губы в улыбке:

– Мне сообщили, что они умеют маскироваться.

– Они замаскировались нехудо, – сказал Мрак великодушно.

– Но вы их, увy, заметили.

– У меня свои методы наблюдения. Ребят винить не стоит. Если хотите, можно кого-нибудь из них притащить сюда. Вы расспросите вволю, как они маскировались... Хотите?

Полковник помедлил, глаза его оставались настороженными.

– Не понимаю, – признался он. – Что вы этим хотите сказать?

– Щас все поймете, – сказал Мрак бодро. Он подмигнул Олегу. Полковник тут же повернул голову и остро взглянул в ту сторону.

Олег усмехнулся, исчез. Буквально через несколько секунд в подсобной комнатке послышался шум. Полковник насторожился. Дверь распахнулась, торжествующий Михаил почти тащил дюжего десантника в маскировочном костюме, с перепачканной рожей и с зеленым платком на голове. Десантник шатался, все еще оглушенный. Михаил остановил его, держа за шиворот.

– Прекрасно, Миша, – сказал Мрак ласково. – Посади его здесь, а сам... иди. Обратно.

Михаил толкнул пленного на диван, козырнул, удалился. Полковник в затруднении смотрел то на десантника, все еще полуоглушенного, то на Мрака.

– Щас он очнется, – пообещал Мрак, – и расскажет. Ну, как замаскировался. Или вам другого притащить? Только скажите. Можно на выбор. Или... хотите, снайпера притащу?

Полковник сглотнул ком в горле.

– По-моему, вы блефуете, – сказал он, но в голосе чувствовалась нерешительность.

– Почему? – удивился Мрак. – Ладно, я вам их назову, а вы смотрите, кого привести для беседы. Итак, ближе всех расположился Сергей Власенко, сержант, инструктор по рукопашному бою, две награды за освобождение заложников, участие в специальной операции в Кантедбе...

– Достаточно, – торопливо сказал полковник. – Должен сказать, что личные дела наших сотрудников строго засекречены даже... для своих. Похоже, вы в самом деле информированы больше, чем я предполагал.

Мрак прервал:

– Так вам кого притащить?

Десантник очнулся, вертел головой. Рука поднялась, он пощупал затылок. В глазах мелькнуло недоумение, взглянул на полковника, на Мрака и очень медленно опустил руку, замер. На лице проступила мрачная решимость.

– Сиди спокойно, – сказал полковник. – Мы в гостях у этого... человека.

– И ничего не пытайся, – сказал Мрак строго. – Ты можешь не поверить, что я способен с вами двумя справиться, но тогда поверь... что я не держал бы так близко, если бы... Словом, здесь все под моим контролем. Итак, полковник, почему бы вам не оставить меня в покое? Уверяю вас, даже если приведете целую дивизию, меня не взять. А работать на вас не стану. Какие бы вы сведения обо мне ни раскопали. Просто исчезну из вашего поля зрения, вот и все.

Полковник грустно улыбнулся. Он приподнял бокал,

Мрак взялся за бутылку, полковник держал бокал, пока Мрак не налил по русской привычке до самого венчика. Мрак налил и себе, а бутылку сунул десантнику.

– Давай из горла, – сказал он дружелюбно. – На сегодня работа окончена. Видишь, даже полковник не отказался.

Полковник в самом деле откинулся на спинку кресла, пригубил вино, прислушался, отпил на треть. Лицо его только теперь стало спокойным по-настоящему. Десантник, решившись, отхлебнул из бутылки. Мрак посматривал на Олега, тот сел в сторонке и, казалось, о чем-то задумался.

– Да, – сказал полковник со вздохом, – наша операция строилась на внезапности... Что ж, она провалена, признаю. Но вы сами понимаете, что из поля зрения нашего ведомства так просто не уходят. Вы оказали нам однажды неоценимую услугу...

Мрак быстро взглянул на Олега, сказал торопливо:

– Услуга была пустяковая. Надо было спасать людей, я и... что смог.

– Вы совершили невозможное!

– Пустяки, я... словом, то дело не в счет. Я не работал на вашу службу. Я даже не стал бы обезоруживать тех террористов, мне ваши разборки до фени, но там у меня был личный интерес. Нет-нет, не настолько, чтобы вы могли меня им шантажировать. Я про ту красотку и думать забыл. Так что повторений быть не может. Никаких. У меня куча своих дел...

Полковник прервал мягко, но с нажимом:

– Каких?

– Вы же знаете, – ответил Мрак с негодованием, – я вполне приличный бизнесмен...

– Даже чересчур, – ответил полковник. – Вы даже все налоги платите, что в нашей стране вдвойне подозрительно. И никакого криминала. Что такое ужасное скрываете? Для чего вам такая крыша?

Мрак кисло поморщился.

– Ну и жаргон у вас, – сказал он недовольно. – Мы же с вами приличные люди... А вы со мной по фене! Ну вот такой я чудак, плачу все налоги. Ну и что?

– А ничего, – ответил полковник хладнокровно. – Мы проверили и перепроверили все ваши счета, обязательства, выплаты, ссуды. Эксперты клянутся, что ваш бизнес в таких условиях нежизнеспособен. Но, судя по вашим бумагам, вы процветаете. Да еще и налоги как-то ухитряетесь... Без уверток. Не только я, никто этого не понимает.

– Вступайте в долю, – сказал Мрак жизнерадостно.

– Думаете, откажусь? – спросил полковник серьезно. – Почту за честь. Но сейчас, поймите, я тоже связан узами службы. Говорю начистоту: мне даны полномочия принудить вас любыми способами к работе в нашем ведомстве. Учтите: любыми.

– А если откажусь...

Полковник скривился:

– Надо ли объяснять?

– А что, – сказал Мрак с удовольствием, – так ли уж опасен?

– Да, – ответил полковник серьезно. – У нас в управлении сочли, что противник тоже постарается вас завербовать. А эти сволочи умеют подбирать к людям ключики.

– Ко мне не подберут, – заверил Мрак гордо.

– У нас не хотят рисковать, – ответил полковник просто.

Олег, оставаясь невидимым, заговорил жестяным голосом, подражая динамике:

– Внимание!.. Нарушители приближаются к зданию. Рекомендация – уничтожить нарушителей...

Мрак сказал быстро:

– Полковник, что вы делаете?.. Зачем вам губить людей?

– Я тоже только выполняю приказы.

С минуту стояла напряженная тишина. Затем тот же механический голос произнес:

– Нарушители обезврежены.

Полковник застыл, десантник выругался, бешеными глазами смотрел на Мрака. Мрак спросил быстро:

– Что с ними?

Динамик ответил бесстрастно:

– Вырублены на час-другой. Можно грузить, как дрова, и увозить.

Десантник с шумом выдохнул, а полковник перевел дыхание не так заметно, поинтересовался:

– Что у вас за автоматика такая... гибкая?

– Собственная разработка фирмы, – ответил Мрак. Подумал, оживился: – Если я вам подарю свою фирму, отстанете?

Полковник с недоверием покрутил головой:

– Вот так возьмете и подарите? Да вы опаснее, чем мы даже предполагали.

– Подарю, – сказал Мрак с воодушевлением. – Хоть сейчас бумагу подпишу. А взамен только одно...

– Что?

– Мне нужно закончить кое-какие исследования. Мне нужно... нужно... – Он задумался, Олег из-за спины полковника показал обе растопыренные ладони. – Не больше десяти дней. Да, десяти хватит. А за эти жалкие десять дней отсрочки вы получите мою фирму, что ведет кое-какие интересные разработки... Говорите, на какое подставное лицо ее переписать?

Полковник покосился на бравого десантника. Тот затих, старался вжаться в сиденье, стать незаметным.

– Знаете, – сказал полковник наконец, – к сожалению, я должен признать, что операция не удалась. Так что я вернусь лучше в управление. Надо доложить, что подобный путь чреват. А дней через десять мы наверняка разработаем план лучше.

Он встал, Мрак тоже поднялся, а десантник вскочил в тот момент, когда полковник только сделал движение подняться.

– До свидания, полковник, – сказал Мрак. – Надеюсь, вам у меня понравилось.

– Прекрасное вино, – ответил полковник. – Подумать только, при таких налогах... гм...

Глава 6

Олег проследил, как отъехала машина, Михаил закрыл за ними ворота и с победным видом занял место в караульной будочке.

– Извини, – сказал Мрак. – Считаешь, десяти дней хватит?

– Смотря как будешь стараться. К тому же надо торопиться, если тебе не почудилось насчет Таргитая.

– Дым пойдет из задницы, – заверил Мрак. Подумал, спросил осторожно: – А на что хватит?

– Через десять дней... если все пойдет, как надеюсь, нам не понадобятся фирмы, счета в банках, пещеры с сокровищами.

– Жизнь обеднеет, – вздохнул Мрак. Насторожился, переспросил с подозрением: – Ты о чем?

– Видишь ли, Мрак... – продолжал Олег, он словно не слышал Мрака, а судя по его лицу, уже забыл о глупом налете местных тайных служб, о политике, войнах, каком-то человечестве. – Ты превращался в волка, а потом в человека, совершенно не думая, что у тебя с кишками. И у волка, и у человека они одинаковы. Ну, почти. И у того, и у другого сердце гоняет кровь по кругу... А когда переходишь на кремнийорганику или на металл, то твоя старая кровеносная система уже не срабатывает так же автоматом, как если

у волка...

Мрак раскрыл рот, потом спохватился:

– Но ты же как-то можешь?

– Мне стоит усилий, – сказал Олег. – Немалых. И дисциплины. У тебя как с дисциплиной?

– На все сто, – похвастался Мрак. – Кого хошь по струнке поставлю!

– А придется себя.

– Не себя, – засмеялся Мрак, – а свое тело. Не ловишь разницу? Тупой ты, хоть и умный. Ты мне пальцем покажи, а я уж начну. Помнишь, ты и раньше показывал, а мы с Тархом с криком «ура» бросались, аки зубры... А ты уж за нами, за нашими спинами, в пролом.

Олег поморщился, откровенное бахвальство Мрака показалось грубым.

– Да так было... Но не сейчас, в новом мире. Понимаешь, теперь человек с топором несколько... устарел. А если быть совсем уж точным, его время прошло и больше не вернется. Ладно, теперь о деле. Итак, ты сейчас можешь трансформироваться не только в волка, но в любое живое существо. Естественно, с сохранением массы... Можешь видеть в любом диапазоне волн... гм... доступном живому существу...

Мрак посмотрел подозрительно:

– Но ты-то видишь шире?

– Мне доступно радиозрение, – ответил Олег равнодушно, – рентгеновское... и ряд прочих, но сейчас говорим о

тебе. Ты можешь летать, как птица... вернее, как птеродактиль. Можешь дышать под водой, в любой ядовитой атмосфере... скажем, в дыму на пожаре. Можешь даже не дышать, а очищать воздух и гонять его по кругу. Правда, это требует энергии...

– Сколько?

– Ну, как в атомной подлодке. Не самой крупной, а так – средней.

Мрак посмотрел на Олега подозрительно, но у того лицо было совершенно серьезным. Он даже не соображает, что только что нечаянно круто шутканул.

– Это хорошо, – сказал Мрак язвительно. – Это утешает, что средней. Самая крупная – это, пожалуй, чересчур.

Он думал, что совсем уел серьезного волхва, но тот лишь мазнул по нему серьезным взглядом пронзительно зеленых глаз.

– Да, – сказал он кротко. – Для тебя да.

Странность живой материи в том, что Олег, несмотря на все управляемые метаморфозы, несмотря на переход на атомарный уровень, по-прежнему нуждался в полноценном сне часов так шесть-семь. Или хотя бы пять. Он даже выдвинул на ходу идею, что если и существует жизнь кремнийорганическая, металлическая или газовая, то все они точно так же нуждаются во сне, ибо сон необходим для любой жизни, так как сон – единственный мостик, связывающий жизнь с до-

жизнью...

Сам он упражнялся часами, сутками, стараясь уловить и закрепить этот переход с биологического на атомарный уровень. То есть из вещественного переходил, на взгляд Мрака, вообще в черт-те что, уже не только в каменных или железных динозавров, а вообще творил со своим телом дивные дела и фичи.

Мрак в одну из демонстраций, честно говоря, струсил, когда Олег попросту исчез. А потом по комнате начали летать вещи, включался и выключался телевизор, магнитофон, компьютер. Из розетки выдернулся шнур телефона, однако тот все равно зазвонил. Олег возник посреди комнаты, сразу в живой плоти, никаких чугунных или золотых статуй, но и в такой личине он с той же легкостью включал электроприборы, запустил вентилятор.

– Впечатляет, – заметил Мрак нарочито будничным тоном, хотя внутри все плясало и ходило на ушах. – И я так буду?

– Если будешь прилежно учиться, – сообщил Олег, и снова Мрак не уловил ни грана издевки, ни даже тени юмора. Олег говорил и действовал как школьный учитель. Это раздражало и... одновременно странным образом успокаивало. Как известно, со школьными учителями ничего не случается. А если и случается, то в самую последнюю очередь.

– Да, учиться, – сказал он медленно, – это не волам хвосты крутить... это полегше. Но что-то я не врубаюсь... Когда ты

летал тогда... ну, еще до инквизиции, будь она благословенна, то тогда понятно, как...

– Как?

– Магией, – огрызнулся Мрак. – То есть непонятно как. Ты сам не понимал. А сейчас? Ты что, гравитацией управляешь?

Олег подумал, кивнул:

– А это идея, кстати. Гравитация – довольно простой процесс, но неживые объекты ею управлять не могут, потому и сыплются нам на головы. Надо попробовать, это должно получиться...

Он впал в оцепенение, похожий на застывшую между оконными рамами муху поздней осенью. Мрак попробовал терпеливо ждать, но не в его характере вот так сидеть и пялиться, плюнул и пошел на кухню к холодильнику.

На другой день Олег появился в комнате радостный, хотя бледный и снова исхудавший едва ли не до состояния скелета, едва-едва обтянутого кожей. Мрак вздрогнул, когда Олег вышел прямо из стены и тут же, без перехода, возник у холодильника. Дверца распахнулась сама, Олег хватал слетающие с полок вкусности, пожирал колбасу целыми связками, молоко потреблял вместе с пакетами, а сметану – вместе с банками.

– Где ты был? – спросил Мрак подозрительно.

– Проверял твою идею насчет антигравитации, – сообщил Олег с набитым ртом. – Вообще-то ты не такой уж и дурак,

Мрак!.. Идея хороша. Да и сам способ. Особенно в соединении с моим прежним. Я создавал перед собой крохотную пленку вакуума... мой организм тут же старался вдвинуться в нее, ибо природа пустоты не терпит, и таким образом я стремительно продвигался... Если успевал ориентироваться, то даже – в нужном направлении. А в соединении с антигравитацией – втрое быстрее... Правда, только здесь, на Земле. Или вблизи больших масс с гравитацией. Но все-таки...

Мрак слушал-слушал, удивился:

– Так ты что, и на другие вещи можешь действовать?

Олег сказал оскорбленно:

– А что я, безрукий? Ты можешь, а я нет?

– Я?

– Ну да.

– Как?

Олег пожал плечами:

– Дурачка строим? Ну возьми вон стул.

Мрак в раздражении подошел к стулу, взял за спинку.

– Ну, что дальше?

– Передвинь, – хладнокровно посоветовал Олег.

Мрак передвинул и снова посмотрел на Олега.

– Ну?

– А что тебе еще? – удивился Олег. – Ты воздействовал на стул?.. Воздействовал. Можешь еще поломать, отшвырнуть, сжечь, разбить в щепки... Все то же самое можно делать и

будучи в другой личине. Разница только в том, что можно делать больше. Ну, как всякий интеллигентный человек всегда найдет больше способов плюнуть в суп соседу, чем его необразованный сосед. Я, к примеру, могу в ножке этого стула сделать, как говорится, взглядом незаметную снаружи каверну, чтобы подломилась, когда сядешь... могу деревянную основу превратить в песок, могу... скажем, сделать его золотым, хотя для этого, правда, придется понизить температуру во всем доме градусов на тридцать...

– Этого не делай, – быстро предупредил Мрак. – Каролина везде натыкала горшки с цветами. Нежные! Это у тебя такое прикосновение Мидаса, да?

– Хвост твоему Мидасу в руки, – ответил Олег недобро, – грамотный!.. Я могу это проделывать и на расстоянии. Только, конечно, усилие возрастает... или падает в квадрате.

На третий день после визита интеллигентного полковника Олег стоял посреди комнаты и в который раз всматривался в черный ужас. На этот раз холод остановился, не дойдя до сердца. Все тело трепетало, он чувствовал, как если бы плыл в холодной воде, но это уже холод, с которым можно справиться.

Он стоял спиной к окну, но каким-то образом увидел, как далеко за пределами усадьбы, где Мрак на полянке установил добротный стол и две лавки, что-то мелькнуло. Организм моментально перешел на скоростной режим, мир за-

стыл, деревья остались склоненными под порывом ветра на одну сторону, даже листья не шевелились, а над зелеными верхушками прямо в воздухе застыло в нелепой позе тело Мрака. Глаза вытаращены, руки растопырены, рот открыт в крике, а мышцы вздулись так, что рубашка в клочья...

Олег прыгнул в окно, пробежал через двор, охранник смотрел прямо на него, но не видел, а если что и останется в памяти, то лишь смазанный силуэт. Мелькнула внизу высокая ограда, уже не высокая, ноги пронесли в лес, замелькали деревья.

Когда он выскочил на отмеченное радаром в мозгу место, Мрак уже с треском валился через путаницу веток. Олег подпрыгнул, ухватил в воздухе и плавно поставил его на ноги. Мрак покачнулся, упал, тут же попытался подняться, снова упал. Он весь был облеплен листьями, забрызган липким соком, в паутине и даже в желтках раздавленного по дороге птичьего гнезда.

– Олег...

– Лежи, – велел Олег.

Мрак упрямо пытался подняться, лицо кривилось, он жадно хватал широко раскрытым ртом воздух. Он прошептал:

– Олег... а ты откуда?

– Лежи! – крикнул Олег. Он для верности придержал его лежащим, а Мрак, несмотря на адскую боль во внутренностях, успел подивиться, насколько руки у Олега... сильные,

что ли.

– Что со мной?.. Никогда такого не было...

– Но ты никогда на сто шагов не прыгал, – ответил Олег раздраженно и растерянно. – Черт, это я виноват!.. Только на шагок прошел дальше, а уже забыл... Мрак, ты хоть и изменился, но в тебе по-прежнему энергию дает, как и давала, печень. Необходимое кровяное давление поддерживает сердце, а кровь разносит кислород. Словом, у тебя тело все же человека, а ты решился на нечеловечье. Или зачеловечье! Пойми, это уже не в волка или птеродактиля. Мы именно вот сейчас делаем шагок за Край!.. В волка – это не за Край...

Мрак перевернулся и лег на спину. Лицо его сильно исхудало, но пока еще не выглядел узником Бухенвальда. Запас сил и энергии в этой волчаре велик, подумал Олег с облегчением. Пусть переведет дух, большего не потребуется.

– Вот ты сделал шагок, – сказал он, – теперь зришь все электромагнитные излучения от ультрафиолета до инфракрасного, жрешь почти все... даже песок, над которым так надсмехался...

– Над песком? – слабо удивился Мрак.

Олег молча поднял бровь, Мрак пристыженно умолк.

– Нет, – поправился Олег, подумав, – песок тебе пока не по зубам. Не по желудку, вернее. Но все, что имеет органическое происхождение, ты жрешь, верно? К примеру, вон можешь поглотить веточки, как лось, кору дерева... да и само дерево, как бобер. Или даже уголь! Нефть пьешь? Еще нет?..

Попей, увидишь, что энергии дает больше, чем твой жареный поросенок.

– Сам пей, – ответил Мрак зло. – Ишь, злыдень, на что покусился!.. Да я тебя за жареного поросенка... Правда, запить попробовать можно. Но почему какой-то вонючей нефтью? У меня вон там зарыта цистерна лучшего авиационного бензина.

Олег, не слушая, рассматривал его задумчиво, как обездвиженное насекомое на столе препаратора.

– Что еще? – пробормотал он. – Ну, силенкой, конечно, бог тебя и раньше не обидел, а сейчас она не удесятирилась, а усотнилась... есть такое слово? Ничего, теперь будет. Слух у тебя тоже пусть не музыкальный, но песню кузнечика услышишь за сотню километров. Если захочешь. И что делается в недрах, должен слышать. Ну, будут ли землетрясения...

Мрак буркнул:

– Пока я слышу только, как червяки корни вот того куста жрут. Ах чавкают, заразы! Куда в них столько влазит?.. Ну прямо вещице олеги... Так говоришь, я могу и в ультрафиолете?..

Он заорал, лицо дико перекосилось. Олег с непониманием смотрел, как Мрак вслепую шарит по воздуху руками, смертельно побледнел, глаза смотрят невидяще. Потом его ладони метнулись к горлу, он напрягся, удерживая тошноту.

Олег опустил рядом на колени. Горячие ладони с силой гидравлического пресса прижали к земле.

– Мрак!.. Что, говори, что?

– Посмотрел, – выдавил Мрак сквозь стиснутые зубы.

Его качало, он пытался удержаться, но земля прыгала, как ошалевший конь, жуткий непонятный мир перед глазами струился, вспыхивал всеми красками, взрывался фейерверками, бил по голове черными пятнами, менялся непрерывно, ежесекундно, голова кружилась, к горлу подступила тошнота, а мозги затрещали от тщетных попыток за что-то ухватиться...

– В каком диапазоне?

– Во всех, – прошептал Мрак.

Олег потрянул так, что голова Мрака едва не оторвалась.

– Давай взад, дурак!.. Сейчас же!.. Закрой глаза... все глаза!

Потом, когда Мрак чуть перевел дух, его все же вывернуло, он сидел бледный, вытирал рот большим клетчатым платком. Олег сказал раздраженно, но в голосе звучало уважение:

– Здоровый лось!.. Я неделями приспособливался. Шажок за шажком по всему диапазону. Сперва просто раздвигал границы оптики... Разрешил себе увидеть дальше за фиолет... и то потрянуло!.. Потом за красные цвета, там в инфракрасном диапазоне такие чудеса, художники полжизни бы не пожалели... Ну, а когда пробовал гамма-лучи, то вообще сперва по секунде, по две, по три...

Мрак сказал виновато, с насмешкой над собственной сла-

бостью:

– Так то ты, трус, а я кто? Герой. К тому же ты всегда в этой мерзкой рыжей личине, а я не раз подобный кайф ловил в благородной волчьей шкуре. Там тоже сразу как молотом по черепу: иные цвета, новые звуки... А уж запахи так и во-все с ног валят!.. Сразу мир не тот, к которому привык. И – ничего. Но сейчас...

– Все равно ты здоровый, – сказал Олег с уважением и завистью.

– Правда?

– Как два лося, – сказал Олег.

– А-а... тогда хорошо. А то я совсем уж скис.

– Здоровый, здоровый, – повторил Олег. – Я бы в обморок на сутки... А тебе вон, как с гуся бензин.

Мрак выпрямился, сидя, даже плечи раздвинул гордо. Не поднимаясь, посмотрел на Олега, подмигнул, затем его лицо застыло, стало серым. Олег с сочувствием понимал, что сейчас на привычный мир наложился еще один, причудливый, с другими красками и пропорциями. Хорошо, если сперва только расширил оптический диапазон, и этого достаточно для ощутимого удара по нервам.

Но настоящая жуть, когда пробуешь радиозрение или жесткие гамма-лучи. Мир сразу дробится на множество миров, от призрачных, едва заметных, до угольно-черных, непроницаемых. До сих пор голова кружится, тошнит, а он не Мрак, уже приучил себя, убедил, что это тот же мир. Был

бы он, Олег, другим, то видел бы мир таким вот, а не прежним, привычным.

Мрак фыркнул:

– Ни фига себе будет смотреться гибель какого-нибудь хмыря в будущем! Мол, да, он побил всех гадов-инопланетян и разгромил вражеский флот, но не сумел преодолеть ужас при переходе на атомарный уровень... Только потому и скопытился! А раз так, то – трус. Несмотря на побитие супостата.

Олег сказал очень серьезно:

– Да, Мрак, не скаль зубы. Это намного серьезнее, чем ты думаешь. Систему Коперника долго не принимали даже самые ученые люди, а простые люди, если честно, не принимают ее и сейчас. Это мы, повидавшие все, все испытывшие на своей шкуре, можем... да и то с великим трудом!.. попытаться заглянуть за Край... уже за новый Край. Так что нам пока не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя.

Мрак поморщился, Олег говорит чересчур правильно и книжно, кивнул:

– Да, конечно. Но ты иди впереди.

– Почему?

– Чтобы я мог отомстить за тебя!

Олег вздохнул:

– Если бы ты вот так пропускал меня вперед и к обеду.

Неделя прошла со дня визита полковника из ГРУ,

Мрак дергался: продвигаются черепашьями шажками. Как-то больше привык либо на лихом коне с секирой в руках, либо в колеснице с копьем или луком, нравилось и на штурмовом танке, и в стремительном истребителе, а теперь вот как умный сидит и всматривается в себя, выёгивается, рама-кришна несчастный, контроль ему, видите ли, над своим телом, да не над мышцами и мускулами, как понимал раньше контроль над собой, а над... гм... той бездной, что в нем.

Олег занудно твердил то из-за одного плеча, то из-за другого, попугай рыжий, что нужно всего лишь всмотреться, понять, поверить. Принять. Принять то, что и так известно, но известно не для себя, а для некоего экзаменатора: так, мол, и так, мое тело не только из мышц, вот их щупаю, и не только из костей, что торчат, и даже не из крови, что выступает из царапин, а из атомов, которые... и вот тут надо все представить, вообразить, поверить и принять этот жуткий мир...

Когда люди поверили, что они живут на круглой Земле, это позволило рвануться в кругосветки и быстро открыть Америку и все дивные острова. Когда поверили, что все вокруг Солнца, это дало толчок такой дивной дисциплине, как космонавтика, понастроили космических кораблей, высадились на Луну, сейчас готовятся к рывку на другие планеты. Если поверить и прочувствовать, твердит Олег, что в теле не только мышцы, но и атомы, тогда получишь над ними ту же власть, что получил тот мальчишка над своими задвигавшимися ушами...

Олег появлялся прямо из стены, из воздуха, возникал внезапно, всякий раз говорил неумолимое «Давай-давай», на что Мраку зудело выдать хоть что-то из пары сот остроумных на эту избитую тему, но брал себя в кулак и давал-давал, налегал, едва не падал в обмороки, как воспитанница Смольного, сказали бы ему такое раньше, морду бы разбил, наконец Олег проронил однажды:

– А ты, того, не совсем черепаха... Прогрессик заметен...

Мрак, задыхающийся, мокрый от пота, с трудом поднялся с пола после очередной трансформации, прохрипел:

– Черт... да шепотки того... что я за эту неделю... да я год на ушах ходил бы и хвастался... какой я молодец! А тут ты стоишь над душой, гавкаешь, все тебе мало...

– Через два дня придут забирать фирму, – напомнил Олег, – и это имение...

– Да ерунда... сам знаешь. У тебя тоже таких фирм, банков и даже институтов по всему миру...

– Тогда Тарх, – напомнил Олег, – против этого не попрешь.

– А без Тарха, – возразил Мрак сипло, изо рта вырывался пар, – не научились бы?

– Научились бы, но попозже. Я уже двигался по этой опасной дороге... но даже у меня этот караван шел бы долгие годы.

– Еще бы, – сказал Мрак с ехидной усмешечкой, – остороженький ты наш!

– Необходимость, – сказал Олег серьезно, он даже не заметил издевки, – мать изобретений, открытий, свершений... Так что давай, Мрак, что-то разотдыхался, лежун ты наш!

Оскорбленный Мрак медленно поднялся. Его пошатывало. Олег мог бы оскорбить его еще больше, поддерживая за плечи, но делать этого не стал, куда уж больше, и так выпрыгивает из шкуры.

Дал бы в морду, подумал Мрак, если бы стал меня поддерживать, как инвалидика. Вот бог свят, дал бы... Нет, руку отобьешь, у него морда уже чугунная. Правда, и я умею делать чугунной... но он вообще черт-те что уже умеет. Такому в морду дашь, без руки останешься....

А рядом журчал умный до дурости голос, самодовольный и тупой, рассуждающий, что-то там мелющий об эволюции, о роли, о назначениях, о предназначениях, о всякой фигне насчет Высшей Роли, но если щас все-таки с кухонно-одухотворенным лицом спросит, кто виноват и что делать, то не сдержусь, дам в морду, а там хоть чугунное рыло, хоть молибденовое....

– ...не это ли ждет и нас?.. – вещал Олег. – Эволюция долго топталась на месте, а самодовольные придурки с академическими значками уже вещали, что биологическая эволюция остановилась, дальше пути нет, а будет только социальная... Но мы видим именно сейчас новый скачок! Даже участвуем. Он покажется потомкам взрывом, мутацией, но мы зрим, как медленно и с какими муками...

Мрак ошетинился:

– Где медленно, где медленно?.. Да я как быstroногий Ахилл, что догоняет тебя, черепаху. Ты просто раньше вышел!

– Да я вообще, – объяснил Олег, ничуть не сбившись с гладкого, как лед, потока мыслей. – О человечестве. Человечество сверху, что муравьи...

– Нас в муравьи? Ну ты и свинья! Даже не свинья, а кабан женского рода.

– Из всех путей эволюции человечества, – сказал Олег, – я вижу впереди пока две дороги: мегачеловек и метачеловек. Наш путь абсолютному большинству заказан. Куда проще встраивать крохотные компы прямо в тело, а потом постепенно апгрейдивать... Человек не любит усилий, даже от ожирения не лечится сам, а приходит к врачу, ложится на кушетку и говорит: вот я, лечите. Или же еще проще: совершенствовать системы коммуникаций, сливая все человечество в единого суперчеловека из множества частиц. Остальные варианты – не дороги, а так, тропки...

Мрак буркнул:

– Обычно именно столбовые дороги заходили в тупики. А тропки... о, тропки! Нет, ты мне скажи другое, умник, самое важное: где нам поесть?

– А поток тяжелых нейтронов тебя не устраивает?.. Правда, их тоже нет под рукой. Тогда поешь земли под ногами.

Мрак оскорбился:

– Сам землю ешь! Мне бы жареного поросенка... Олег, человек остается человеком, пока ест жареного поросенка!

Олег сказал безучастно:

– Мусульмане же обходятся без жареных поросят тысячу лет, но вроде бы люди.

– Они тоже едят жареных поросят, – возразил Мрак. – Только у них жареными поросятами служат жареные гуси или олени. Китайцы жрут жареных поросят в виде своих жареных собак, а камчадалы – тюленей или пингвинов, не помню. Пока мы едим... едим, а не усваиваем энергию!.. мы все еще люди. А мне, знаешь ли, страшно становится нелюдьми. Да и нравится мне быть просто человеком!

Олег исподлобья смотрел, как просто человек Мрак захотал, уже отдохнув по дороге в имение, превратился в динозаврика, почему-то это прежде всего лезет в голову, затем в огромную волосатую рыбу на шести ногах с длинными когтями, затем в тяжелое металлическое чудище размером с волка, что с черепашьей грацией попыталось идти рядом.

Замедлив шаги, Олег внимательно наблюдал, а когда Мрак снова вернулся в человеческую личину, спросил заинтересованно:

– Уже дышал?... Поздравляю. А как кишки всякие, о которых знать не желаешь?

– Могу сдавать экзамен на академика, – ответил Мрак зло. – Даже на двух академиков.

Олег внезапно начал есть в десятки раз меньше Мрака. А Мрака, напротив, теперь терзал постоянный голод, Олег всякий раз начинал нудить о правильном усвоении. У него, похоже, усваивалось все. Да не просто усваивалось: жрал с удовольствием, скажем, жареного гуся, а потом уж сожратое расщеплял на атомы.

Но он регулярно посещал и туалет, и даже ванную комнату, хотя ему достаточно было повести плечами, чтобы вся грязь и пыль на его коже тут же абсорбировалась и шла в топку, как дополнительное ядерное топливо.

К счастью, особняк достаточно велик, чтобы экспериментировать не на глазах Каролины. Они сосредоточивались на своих возможностях каждый в своей комнате, такое требует уединения, только нетерпеливый Мрак время от времени выскакивал в коридор и с надеждой смотрел на дверь дальней комнаты. Вдруг да Олег открыл нечто такое, что без труда даст им все, да еще и почешет спины?

Сейчас он едва только приоткрыл свою дверь, как ощутил холодок. В конце коридора из-под двери комнаты, где находился Олег, выбивалась поземка.

– Вот зараза... – вырвалось у него. – Он же мне все цветы поморозит!... Каролинка меня убьет...

Длинный коридор он пересек в один прыжок, уже умеет, а запертая дверь послушно распахнулась, едва он протянул к ней руку. В лицо ударил смерч с такой силой, что Мрак сперва отшатнулся, потом нагнулся и проломился в комна-

ту. Дверь за спиной послушно захлопнулась, язычок замка выдвинулся и влез в паз на два оборота. Бумаги носило по кругу, на подоконнике в массивных горшках торчали пеньки от дорогих цветов. Зеленые ажурные листочки мелькали с такой скоростью, что казались зелеными побегами выюнка.

Олег стоял посреди смерча. Лицо его было бледно, скулы выступали так резко, что едва не прорывали кожу. На лбу крупные капли пота, их тут же срывало ветром. Зеленые глаза горели нечеловеческим огнем.

Мрак сказал со злым удовлетворением:

– Ага, снова за проклятое колдовство?.. Мало мы вас, гадов, жгли в старое доброе время инквизиции!

Смерч медленно утихал, бумаги и сорванные листья по кругу опустились на пол. Олег провел ладонью по лицу, буркнул:

– О чем вспомнил... Дикий ты человек, Мрак. Пора заново осваивать такие простые вещи, которые умел еще при фараонах. А то и раньше.

– А как ты это делаешь?

– Силовые поля?.. Ну, как тебе сказать... Ты тензорные уравнения шестого порядка знаешь хорошо?

– Замечательно, – ответил Мрак. – Даже двенадцатого знаю, если такие есть. Но мало ли я чего знаю? Ты не умничай, ты пальцем покажи.

– А я что делаю?

– Тогда палец вымой, – посоветовал Мрак. – А то смотрю

на палец, так и зудит молотком по ногтю... Постой, ты хочешь промямлить, что снова колдуешь? Кончилась магическая засуха, дождик закапал? А то и ливень рухнул?

Олег подумал, очень хорошо подумал, это было видно по его сосредоточенному лицу.

– Вряд ли, – ответил он с сомнением. – Это же я сам создаю.

Мрак паузу уловил, переспросил:

– А дождика точно нет?

– Сейчас не ощутил, – ответил Олег. – Я его и тогда не ощущал... А в том дождике тоже как-нибудь разберусь на досуге... если он будет. Может, это было какое-то излучение! От взрыва сверхновой или от какого-нибудь квазара...

Мрак сказал поспешно:

– Да-да, это как-нибудь потом, на досуге. В пещерах. Я для тебя такую пещеру нашел!.. Побольше Мамонтовой. Ни в жизнь оттуда не выберешься. Ладно, а что можно с этим вихрем?

Олег снова подумал, на лбу подвигались складки.

– Не знаю, – ответил он осторожно. – Думаю, многое возможно. Но начнем со старого доброго, проверенного...

– Полетаем?

К его удивлению, Олег ответил просто:

– Полетаем. Все, как раньше. Если получится, то... может получится многое.

Мрак вспомнил, спросил осторожно:

– А с компом как? Что-то получилось без него?

– В какой-то мере, – ответил Олег рассеянно. – Хотя чувствую себя гадостно... Могу просчитывать побыстрее любого компа... Правда, компы скоро зайдут в тупик, скорость в семьсот гигагерц не перейти, все упрутся в скорость нейтронов... Гм, но я вижу, как это обойти человеку...

Мрак прервал:

– Ты мне баки не забивай. Все просчитал?

– Только то, что нужно, – ответил Олег педантично. – А зачем мне все?

– Ну ты и зануда, – сказал Мрак с сердцем. – А что гадостно? Радоваться надо!

– Я и радуюсь. Только пока никак с этой раздвоенностью. Мозг начинает работать в убыстренном режиме, в сотни раз быстрее, голова разогревается...

– Кулер поставь, – посоветовал Мрак. – Могу снять со своего проца. И не шумит... сильно. Даже с двух компов для тебя сниму! Только куда выдувать будут...

– ...А сердце подает кровь по-прежнему... в глазах темнеет сразу.

– Понятно, как у лилипута, что возжелал сочную бабу. Дальше?

– Когда перехожу на атомарность, начинаются кошмары еще кошмарнее. Или кошмаристее.

Мрак отмахнулся, жизнерадостный, как молодой жеребец при виде молоденькой кобылки.

– Но сумел же?

– Ох, Мрак...

– Ха, не понимаю. Что-то твоя румяная морда никак не вяжется с тем, что говоришь. Личина?

– Нет, теперь это не зависит... Ну, ты же заметил, что у тебя недостает кое-какой мебели? Я кое-что расщепил... что-бы далеко не искать. Сперва я тратил из себя, чуть не... Словом, уменьшился до размеров мыши. Теперь вот хватаю из подручных материалов. Словом, сердце у меня... несколько иное. Перестроенное. Да и печень. Как и все остальное.

– Эй-эй, – сказал Мрак предостерегающе. – Ты не смотри на меня так! Я тебе не подручный материал. Ладно, мебель не жалко, хоть я за нее знаешь сколько заплатил? А в такую даль везли?.. Вон там дверку шкафа поцарапали... Ух ты, уже и шкафа нет? Ну ты и короед! Там у меня костюм для театра висел!.. А ты... эх, знал бы, нафталину бы туда пудик... Ладно, как ты делаешь этот... вакуум вокруг себя? Я думал, можешь только внутри своей организмы.

Олег посмотрел с мягким укором:

– Ну, Мрак, ты меня удивляешь... Разве не нагреваешь воздух вокруг себя?.. Если закрыть окно и форточку, то изменится и температура в комнате, и влажность, и запах...

Мрак посмотрел с подозрением, сказал предостерегающе:

– Ты мне насчет запаха не намекивай. Ты хоть показал бы!

– Что?

– Ну чё-нить.

Олег ответил просто:

– Идем.

– В лес?

Олег усмехнулся:

– Хорошо бы в безлюдные горы. А то вовсе на тщательно охраняемый полигон.

Мрак подумал, сказал с сожалением:

– А вот этого я не предусмотрел. Даже атомных бомб у меня десяток, но полигон... нет, не додумался.

Глава 7

В лесу Олег раз в три дня пробовал то, на что не рисковал в особняке: могучая стена дубов выдержит больше, чем хлипкие стены, а Мрак под его особо бдительным присмотром как на экзамене всматривался в себя, вчувствовался, представлял, воображал, снова всматривался и старался поверить, принять этот дикий жуткий мир, вжиться, слиться, ощутить себя в нем, чтобы злой экзаменатор принял хотя бы на трояк, не погнал в шею...

Олег упорно и планомерно экспериментировал, к цели двигался медленно, равномерно, без диких гусарских выходов Мрака, но опережал namного, namного. К вечеру осмотрел, посоветовал:

– На сегодня хватит. Возвращаемся, а то твоя Каролина с ума сойдет!

– Я заметил, на тебя глаз положила.

– Кем она считает нас? Вожаками мафии?

– Голубыми, – брякнул Мрак.

– А что, – ответил Олег рассеянно, – теперь и в деревнях о голубых слыхали... Кстати, еще один важный момент с нашей регенерацией. Ну, царапины заживают у человека, то да се. Понятно, что мы ее усилили... регенерацию, не царапину, но если тебе оторвут руку...

– Типун тебе на язык!

– Или ногу, как у кузнечика...

– Два типуна!

– ...то они не отрастут даже при наших прошлых возможностях. Ибо, напоминая, в первом случае нужна рука для пересадки, во втором – нога. Но при переходе на атомарность, это решается просто. Если ты, скажем, очутился в вакууме, то попросту перебрасываешь часть атомов на поврежденный участок, и у тебя мгновенно появляется рука взамен оторванной. Конечно, сам станешь чуть легче и мельче... Успокойся, что ты задержался? Не отрываю я еще у тебя руку, не отрываю. И ногу не отрываю. К тому же мы не в вакууме, что важно. Даже, если оторву, то здесь всегда есть материал, откуда взять недостающие атомы...

Мрак сопел, зыркал сердито, но Олег говорил совершенно серьезно, даже руками помахал по воздуху, словно дирижировал атомами.

Вернувшись в свою комнату, где он экспериментировал, Мрак угрюмо и недоверчиво покосился по сторонам. Все верно: стулья, стены, ваза с фруктами на столе – все это точно такие же атомы, что и в его теле. Нужно всего лишь взять их, передвинуть, перестроить атомную решетку. Только и всего. Пустячок. Кто бы подумал... А если учесть, что все это он, может, будет делать, перейдя на атомарный режим, за пару пикосекунд, то да, это круто, это рулез, как выкрикивают нынешние мальчишки.

То, что он и без того умел: слышать лучше других, чутя

носом, видеть далеко и остро, за эту неделю усилил стократно, к тому же овладел всем, как он считал, спектром цветового зрения, от самого низкого инфракрасного до дальних градаций ультрафиолета. Тело мог с легкостью трансформировать в любое существо, ликовал без памяти, но, протрезвев, вспомнил, что это все еще в узких рамках биологии, а вот атомарная перестройка только начинается.

Олег несколько раз исчезал вовсе. Причем даже не улетал, а просто в комнате становилось пусто. Всякий раз Мрак чувствовал легкое понижение температуры, однажды на паркет вовсе выпал иней, что почти мгновенно растаял под жарким солнцем.

На десятый день визита интеллигентного полковника из ГРУ вроде бы удалось нащупать шаткий путь, даже тропку, как слегка изменить атомарную решетку. По совету Олега пробовал менять лишь крохотные косточки, суставы, ведь многие люди живут с искусственными протезами даже в сердце, затем делал металлическими фаланги пальцев и тут же возвращал их в исходное состояние, проверял, снова пробовал органику заменять на металл. Кости скелета как укрепил молибденовыми вставками, так и оставил, пока Олег не намекнул, что уже есть металлы намного прочнее.

– Ну, – сказал Мрак нетерпеливо, – когда полетаем?

– А ты... готов?

– Всегда, – ответил Мрак. – С забора мордой о землю... Нет, серьезно, я уже пробовал, как ты и говорил. Создавать

вакуум прямо перед телом. Только кожу приходится бронировать. Первый раз не сделал, так клок из бока, будто зубами... Попался бы ты мне тогда – убил бы!

Олег покачал головой:

– Ты еще не готов. То, что умеешь, это прыжки птенчика на краю гнезда. Хорошо, если оно на земле. Или в кустах. А если на высоком дереве... Но ждать некогда. Полетим, буду поддерживать и подстраховывать. Но ты жми во всю мочь, понял?

– Ты еще попробуй догони, – ответил Мрак.

Деревья расступились перед ними и отечески сомкнулись за их спинами. Каролина с веранды проводила их заинтересованным взглядом. В деревню доходили кое-какие слухи о появлении на свете каких-то странных голубых, что... ну, страшно и срамно такое даже вышептать, но эти не такие. Она не знала, какие эти голубые с виду, но эти двое ну совсем не похожи. Чувствуется же, как реагируют на ее зовущее молодое тело.

Мрак с его волчьим чутьем и нюхом слышал на километры вокруг, везде пусто, можно начинать, но Олег упорно вел в самую чащу и остановился, когда оказались в действительно диком месте, словно и не Подмосковье, а Зауралье. Даже полянкой это не назовешь, одни лесные завалы со всех сторон, куда лесник смотрит и как не совестно зарплату получать...

Олег что-то нашептывал, но уже по привычке, да и помогает сосредоточиться, волосы начали потрескивать, шерсть встала дыбом. Мрак дернулся, с кончиков пальцев Олега веером полетели искры.

– А током не шарахнет?

– Не... шарахнет...

– Ты смотри, – предупредил он, – а то я как-то раз, не глядя, пальцами в розетку... Света белого не взвидел! Из ушей дым неделю шел. Ну, три дня – точно.

Олег напрягся, веки опустил, стал похожим на статую из желтоватого металла. Деревья задрожали, начали расплываться. Мрак смотрел на них, как через пленку мыльного пузыря, даже цветные разводы углядел, словно от бензина на лужах.

Внезапно его стиснуло, он покачнулся, но упасть не упал, со всех сторон окружала мягкая незримая резина.

– Не прорвется? – спросил он с беспокойством. – Ты б под ногами уплотнил.

– Мрак, не отвлекай...

– Все, затыкаюсь!

Деревья качнулись. Серые стволы пошли вниз, как урановые стержни в реакторе. Мрак взглянул под ноги, тут же вздернул голову с такой быстротой, что хрустнули позвонки. Хотя бы, гад, покрасил чем внизу, а то прямо под подошвами удаляется зеленая поляна, огромный твердый пенёк, ноги как будто висят в воздухе, вот-вот вывалится...

Тело потяжелело, ноги налились свинцовой тяжестью. Мрак ощутил, что весит не меньше тонны. Внезапно они влетели в белый туман. Олег спросил почти шепчущим:

– Ну как?

Мрак хотел огрызнуться, но едва проговорил, тяжело ворочая языком, что тоже весит как добротная деревенская наковальня:

– Что как? Как птица... Лечу и гажу, лечу и гажу... ты забыл, что я – волк! Это ты, уродина, и раньше порхал как летучая мышь... размером с барана... Только в рыбьей чешуе.

Олег проговорил с натугой:

– Нет, я был покрупнее... А ты, если честно, молодец. Я помню, ты и с дракона не мог смотреть вниз.

– Не любил! – крикнул Мрак сердито. – Просто не любил... А смотреть мог на все, понял? А ты боишься посмотреть даже на атомы...

– Даже?

– Ну да. Они ж такие мелкие, это не драконы.

Он осекся, кровь с силой бросилась в лицо. Это Олег, решив, что поднялись достаточно, перешел на горизонтальный полет. Чересчур резко перешел. Если бы не силовой кокон, то оторвалась бы голова... наверное, оторвалась бы.

Внизу потянулась однообразная заснеженная наледь. Чем-то похожа на спину старого седого дракона. Такие же синевато-белесые чешуйки, выпуклые, покоробленные, то налезавшие одна на другую, то бегущие вперику одна за

другой, как пугливые овцы.

Мрак окинул взглядом все это странное поле, пришлось сделать усилие, чтобы увидеть то, что это есть: бесконечные облака, закрывшие планету от Пиренеев до Карпат, а вовсе не привычные стада белых овец, спину дряхлого дракона, заснеженное поле и все такое привычное, примелькавшееся.

А вот Олегу, напомнил он себе с сочувствием, куда страшнее. Он, прирожденный трус, заставляет себя всматриваться в структуру материи, даже в кишки атома, а это, признаться, в самом деле жуть из всех жутей. Только Таргитай в такое может смотреть широко открытыми глазами. А тут разок взглянул вполглаза, и полдня как будто в проруби, кровь стынет, сердце вот-вот остановится, а перед глазами, как ни гони, эта страшная пустота, из которой сами...

Наледь проплывала неспешно. Между иными выпуклыми чешуйками Мрак замечал провалы, не просветы, а как раз провалы: черные, жутковатые. Дальше к горизонту эти чешуйки сливаются в единое заснеженное поле, бугристое, но не более бугристое, чем когда в поле ветер намечает множество мелких бугорков. Он сделал над собой усилие и попытался увидеть облачный покров над планетой Земля, однако глаза увидели, а все чувства подтвердили, что внизу просто идет ледоход. По огромной реке двигаются грязно-белые льдины, толкаются, сталкиваются, но медленно и неспешно идут единым потоком. Нет, их несет в едином потоке, но это льдины, обыкновенные льдины, которые он видел тысячи и

тысячи раз...

Он зло выругался. В том-то и дело, что ледоход видел тысячи раз, а облака вот так никогда не зрел. И потому его чувства отказываются видеть то, что он видит... тьфу, что на самом деле. Они видят то, для чего приспособлены, на чем он их натаскал, идиотов. И хотя такого ледохода быть просто не может, но он, хоть убей его, видит именно ледоход.

Олег летел рядом, сосредоточенный, серьезный. Зеленые глаза немигающе смотрят вдаль, красные волосы не шелохнутся, встречный ветер расшибается о незримую броню силового пузыря. Ну да, сказал себе Мрак настойчиво, они летят, как в старое доброе, но теперь даже Олег, пропитавшись духом начала третьего тысячелетия, должен считать те полеты в магическом коконе странными и непонятными! А вот эти, в силовом поле... дык все ж понятно, ясен пень!

Второй раз чувства отказали, когда облачный покров закончился, а внизу на немыслимой высоте поплыла поверхность планеты. Чистая от облаков, видимая ярко, ясно, четко. Он увидел, что летят над поваленным ветром огромным стволом старого дерева с потрескавшейся корой, в щели нанесло снега, а они летят над ним как два гордых жука... и напрасно твердил, что вовсе не дерево, а горный хребет, а снега нанесло не в трещинки коры, а в многочисленные ущелья.

Чуть позже он вдруг понял, что летит, как муха, над заиндевевшим окном, там морозные узоры, там вытканы елочки и ажурные паутинки мельчайших ледяных кристаллов... И

снова напрасно твердил себе со злостью, что это почему-то земная поверхность так разукрасила себя трещинками, прямо какой-то кубачинец полжизни потратил, нанося все эти черточки, клинышки, такие симметричные, правильные, что на тупую природу и не подумаешь...

Он задержал дыхание. Они стремительно неслись к странному образованию, как сказал Олег, но Мрак не видел ничего странного в исполинского вида женской груди с ясно выпуклым соском. Грудь – идеальная чаша, белая, как нежнейший снег. Плывет над землей, кокетливо глядя белым кончиком в звездное небо, словно сама планета пытается соблазнить космос. От груди отходят спирально повернутые белые нити, Мрак засмотрелся на них, наконец разглядел, что они поворачиваются против часовой стрелки, и вся грудь тоже поворачивается, наконец сообразил, что это над землей с огромной скоростью несется не то смерч, не то тайфун, он-то и вращается по кругу...

– Так вот почему всем тайфунам дают женские имена! – прокричал он.

– Что? – спросил Олег.

– Смотри вперед, – посоветовал Мрак. – А то на ворону наткнешься.

Все колыхнулось, Мрак ощутил прилив крови к голове. Олег тяжело дышал, по лбу катились крупные капли пота. Он сильно исхудал, кожа на скулах заострилась.

Мрак со страхом смотрел, как они пробили облака, со сви-

стом в ушах понеслись к земле. Сквозь туман проступило зеленое, затем Мрак рассмотрел деревья, дальше появились жилые кварталы, серая ниточка шоссе, а они падали в лес.

Острые вершинки сосен понеслись на них, как оскаленные зубы. Мрак ощутил чудовищную перегрузку, глаза едва не лопнули, потом в пятки больно ударило. Он не удержался, повалился, его перекатило через голову, он приподнялся, убедился, что Олег жив, раскинул руки рядом, снова упал на спину. Небо колыхнулось и остановилось между вершинками сосен.

– Прости, – услышал он рядом хриплый голос. – Малость не дотянул... Увлёкся, дурак!.. Нет, с магией было проще.

– Ну да, – возразил Мрак. – Тоже вечно стонал и жаловался. Говоришь, я тоже могу вот так?

– Так не надо, – сказал Олег. Он тяжело забарахтался, приподнялся, сел, упершись спиной в ствол дерева. – Ты же видишь, как у меня. Даже не понял, что силы... на исходе. Зря отключил пару рефлексов... Но ты можешь, Мрак! На самом деле, все люди могут, но нам намного легче. Мы видели многое. Мы на многое можем посмотреть иначе, чем... чем другие. А другие... это обычные нормальные обыватели. Даже если бы могли, по-другому не захотят. Еще не насмотрелись, не наелись, не нарадовались тому, что есть... Им и не надо больше, для них и это все внове.

Мрак сказал сварливо:

– Не умничай, пальцем покаж!

Олег сказал, уже и сам чувствуя, что повторяется:

– Просто представь... увидь мир, каков он есть. Нет, таким мы никогда не увидим, но хотя бы увидь таким, каким его показывает техника. Электронный микроскоп, к примеру. Воочию представь, что ты из атомов. Как только все это представишь... реально представишь!.. то увидишь, что можно сделать, чтобы... вмешиваться! И, как бы ни был этот мир мудро устроен, но в нем есть что поправить, исправить...

– ...а то и сломать, – сказал Мрак жизнерадостно. – Вот за что люблю тебя, Олег. Всегда даешь возможность ломать, жечь, рушить, все вдрызг, вдребезги, всмятку, в щепки!.. Отдыхай, отдыхай, духовный вождь насилия и братства. Нас вообще-то куда занесло?.. Мы еще в Европе?.. Давай кинем монету, у кого здесь ближе вилла, загородный домик, а то и угожья?

Олег лежал на спине, тяжело дышал. Он был невероятно худ, трава под ним на расстоянии вытянутой руки съежилась, потемнела, прижалась к земле. На земле выступил иней, Мрак зябко повел плечами, и тут заметил, что лицо Олега на глазах розовеет.

– Хорошо... – донесся его вздох.

Его тело слегка погрузилось в почву. Мрак потрянул головой, волхв на твердой сухой земле, под ним толстые сучья, корни дерева... И тут из-под руки Олега пробился сизый дымок, высвободились черные обугленные концы корней. От

Олега пахнуло жаром, в то время как на три шага от него земля заледенела, сочные стебельки травы превратились в зеленое стекло. Тело Олега погрузилось почти на ладонь. Под ним земля кипела, наверх выплескивались узкие огоньки и тут же пугливо гасли. Через пару минут он выглядел не просто отдохнувшим на курорте, но и помордевшим, кожа лоснится, как у кабана на ВВЦ.

– Ты чо?.. – спросил Мрак ошалело. – Заправлялся?

Олег ответил с неудовольствием:

– Что за грубость?.. Я не машина. Просто поел. Если хочешь, покушал.

– Анусом?

– Грубый ты, Мрак. Всей поверхностью тела, если тебе важны такие подробности.

Он поднялся, на земле осталась вмятина, словно чугунную фигуру человека сбросили с крыши небоскреба. Примерно на столько же он и набрал массы. Как говорится, просто перестроил атомную решетку. Уже не только свою, но и этой почвы... Или нет, перестроил атомную решетку поверхности тела, как он говорит, чтобы та начала ломать и перестраивать атомную решетку другой конструкции.

– А как же сквозь одежду? – спросил Мрак коварно.

Олег удивился:

– А что одежда?

– Нет, ты скажи!

– Мрак, не позорься. Разве одежда сложнее, чем моя

ткань? Подумай.

Мрак сдуру в самом деле подумал, голова закружилась. Его понесло в черную бездну. Смертельный холод стегнул по нервам. Сознание тут же вырубило все умные мысли, он ощутил только, что тоже устал, хочет есть и что ему вообще хреново.

Чернота раздвинулась, в фокусе появилось встревоженное лицо Олега. Зеленые глаза смотрели как два лазера.

– Как себя чувствуешь? – спросил Олег с участием..

– Как рыба на льду, – огрызнулся Мрак. – По которой еще и палкой... Ты долго будешь отдыхать?.. Разотдыхался, курорт нашел. А там Таргитаю тошно, жить не хочется...

– Надо спешить, – сказал Олег. – Но, Мрак... если честно, мы еще не готовы.

– Особенно я.

– Я тоже, – сказал Олег самокритично. – Даже если бы у нас была мощь, а ее еще нет... то и тогда мы не готовы. Чтобы выйти из объятий планеты, нужна не только мощь, но и мировоззрение... Это автоматы могут стартовать хоть к Марсу! А человек со старым мировоззрением далеко не уйдет.

– И что же делать? – спросил Мрак убито.

– Мы должны выработать в себе правильный взгляд, – ответил Олег педантично. – Видеть в облаках морды сказочных зверей – детство!.. Глядя на тайфун, ты должен видеть тайфун, а не женские молочные железы. А когда перед то-

бой заснеженные холмы, то это заснеженные холмы, а не бабы ягодицы, урод. Иначе в космосе мы сгинем сразу. Здесь еще можно тряхнуть головой и сказать: какая же это задница, это же два заснеженных холма! Но там, в чужом мире, если увидишь эту задницу, то не сможешь сказать, что это холмы, так как в том мире холмов, возможно, не бывает в принципе. Если заставишь себя увидеть холмы, то это будет такая же ошибка... как и узреть задницу. Возможно, ошибка смертельная.

– Тогда лучше задницу, – рассудил Мрак. – Олег, ты не забыл, ради чего корячимся?

– Не забыл, – ответил Олег сердито.

– Мы не будем ждать, – отрезал Мрак жестко, – пока сможем видеть... э-э-э... правильно все. То, что есть, то есть. Пусть и морды или голые задницы среди звезд – нам нужно отыскать Тарха. Побыстрее!

Олег кивнул, смолчал. Он говорил Мраку хорошие правильные слова. Кто-то сказал их ему самому. Если честно, он тоже все еще видит... правда, не в облаках, те всего лишь создания из водяного пара, а его сердце – это мышца для перекачки крови, но при взгляде на то, что никогда не видел, то и дело видел чисто земное, привычное.

Но это здесь, на Земле. А что будет там, за Краем?

Лес был пронизан солнечным светом, между деревьями ни сучка, ни веточки, ни пустых банок из-под пива, что зна-

чит – далеко залетели от России. Деревья ухоженные, чистенькие, словно дети сенатора под присмотром заботливой няни.

Мрак повел плечами, даже вздыбил мускулы, но на небо поглядывал с сомнением. Был он худ, как щепка, Олег покачал головой, поинтересовался:

– Возвращаемся?

– Я сдохну, – сказал Мрак с неохотой. – Это ты, счастливчик, умеешь анусом получать удовольствие. Я имею в виду насыщаться.

– Я понесу.

– Ага, щас я дам себя лапать!.. Давай за мной.

Он двинулся быстро по едва заметной тропке, потом перешел на бег. Олег без усилий держался рядом. Мрак несся, держа нос по ветру. Олега подмывало спросить, долго ли будут так бежать глупо и примитивно, как будто негры какие-то допотопные, но Мрак уже взбежал на вершинку холма, повел волчьей мордой и так же стремительно понесся вниз.

Теперь уже видно, куда мчится обросший волчьей шкурой Мрак. Маленький городок на краю моря, гористая местность, волк несется в сторону пологой горы, где на вершине – маленький коттедж. С одной стороны коттеджа – обрыв, за которым море, с другой – ровная зеленая площадка, идеально приспособленная для гольфа, а еще дальше – клочок такого редкого для этой европейской страны леса. Слишком краси-

вого, роскошного, чтобы быть естественным, явно насажен руками лесников под руководством дизайнеров.

Он взглянул на домик, да, у него самого есть такие места, которые создавались словно нечаянно, помимо желания, вернее, без всякой задней мысли. Коттедж на вершине горы, к нему серпантином вьется неплохая шоссейная дорога.

Если они будут нестись по дороге, их заметят из коттеджа. Странная пара: бегущий наперегонки с волком человек...

Он подхватил Мрака силовым полем, взмыл в воздух, коротким рывком оказался над лесом, что близ коттеджа. Мрак заорал, требуя, чтобы его выпустили. Олег разомкнул поле, Мрак понесся вниз, раскинув руки, как парашютист в затяжном прыжке. На лес упала волна возмущенного воздуха. Мрак падал, сцепив зубы и весь бледный, измученный. Олег уже приготовился помочь, но Мрак не допустил такого позора, грохнулся тяжело, как бетонный блок, но землю вмял всего на глубину в полметра, что значит – самортизировал.

Олег терпеливо ждал, Мрак вылез из ямки, бледный и худой, на дрожащих ногах. Сразу огрызнулся:

- На себя посмотри, рыло!
- Да я молчу...
- Ни фиги себе молчишь!..
- Да молчу-молчу...
- Ты как стрекоза и муравей прямо кричишь феромонами и хореографией.
- Зато не касаюсь сяжками, – ответил Олег. – Пойдем, ты

ж еще не умеешь кушать песок?

– Да и ты что-то не накинулся, – буркнул Мрак язвительно. – Чуешь, что покормят!

Дом выдвинулся из-за кустов на той стороне огромной зеленой лужайки – чистый, ухоженный, во дворе огромное дерево с картинно распростертыми во все стороны ветвями. Запахло фламандской школой.

Олег ощутил тепло и уют. Со второго этажа доносились звуки игры на фортепиано. Олег прислушался: играют Грига, чисто и одухотворенно. Затем игра прервалась, Олег услышал стук захлопнувшейся крышки. Донесся легкий перестук каблучков. Наверху появилась девушка, радостно ахнула, сбегала вниз и бросилась Мраку на шею.

Была она, как и представлял Олег, чистая, светлая, трепетная, очень теплая и милая. Мрак звучно чмокнул ее в губы, а девушка, застеснявшись, посмотрела на Олега, уперлась кулачками в широкую грудь нахала. Мрак разомкнул объятия, девушка сказала застенчиво:

– Простите, но вы так неожиданно...

– Ирма, – сказал Мрак, – это мой друг Олег. Мы проведем здесь пару дней... а может, и больше. А сейчас помоемся, сождем в доме все и всех, кто не спрячется, и завалимся спать.

Девушка смотрела на Олега большими смеющимися глазами. На щеках румянец разросся и сполз на шею, а уши стали восхитительно красными.

– Простите, – пролепетала она, – я сейчас все приготовлю!

– Готовь, – разрешил Мрак великодушно. – А мы пока пойдем опустошать холодильник.

Олег проследил за ней взглядом.

– Подобрал выпавшего из гнезда птенчика?

Мрак оглянулся, Олег видел, как по лицу друга пробежала тень. После грозы летом они еще в родной деревне всякий раз находили выброшенных ветром беспомощных желторотых птенчиков, голеньких, еще слепых. Сколько ни пробовали их кормить, поить, согревать, птенчики всякий раз погибали.

– Иногда трудно удержаться, – ответил Мрак, приглушив голос. – Настроение такое было... ну, слюняйское. Да и в очень уж жуткую ситуацию она попала. Я ее перехватил, когда она, наглотавшись таблеток, решила еще для верности удушить себя газом. Очнулась уже здесь... Долго не верила, что не на небесах. Представляешь меня в роли ангела? Очень долго отходила от кошмаров...

Олег кивнул, сказал понимающим голосом:

– В каждом поколении рождается какой-то процент... не от мира сего. Чересчур нежные, хрупкие, слабые. Но какую-то роль они выполняют даже своей гибелью, как думаешь?..

– Да пошел ты, – ответил Мрак.

– Ты чего?

– Мне плевать на ее роль в цивилизации, – ответил Мрак зло. – Я не дал свершиться ее роли. А здесь она в своем

мирке, своих грезах, своих увлечениях. Играет, рисует, поет, просто освещает собой этот вообще-то все еще темный мир.

Он отвернулся, больше не желая разговаривать.

С широкой просторной веранды было видно, как она то-ропливо накрывает на стол в такой же просторной столовой, что соединялась с кухней. Олег захватил с собой упаковку пива, бутылку коньяку и огромный пакет соленых орешков. Коньяк – потому что считается, что мужчины им снимают стрессы и усталость, глупость, но в данном случае в самую точку: он выпил коньяк и съел бутылку, стекло похрустывало так приятно, словно во рту таяли мелкие сладкие льдинки. Жидкость сразу расщепил, взбодрился еще больше. Мрак смотрел с завистью, хотя, конечно, холодное пиво и орешки тоже неплохо, но этот же гад молча бахвалится своим суперменством, в кои-то веки получив преимущество над ним, Мраком!

Здесь тихо, только тоскливо прокричала чайка, невесть зачем залетевшая так далеко от воды. Солнце уже опускалось за край, и сейчас усталое сознание ну никак не соглашалось поверить, что это не просто красное пятно, а огромная звезда, в то время как неподвижная твердь под ногами – на самом деле крохотный глиняный шарик, что с огромной скоростью несется через черноту...

Ну и не надо, сказал он себе, не верь. Сегодня мы отработали терпимо. Еще чему-то научились. А завтра... Завтра будет завтра.

Утром Олег очнулся, как от обморока. Нечто огромное и страшное быстро покидало его сознание. Осталось ощущение громадности, даже не осознать, не осмыслить, тем более – не выразить. Сердце колотилось, будто взбежал на гору.

С закрытыми глазами мгновенно просканировал помещение во всех спектрах, заглянул в соседние. Мрак все еще спит, на кухне двигается легкая тень. Он ушел из диапазона гамма-лучей, тень превратилась в Ирму, она неслышно сновала от печи к холодильнику, потом ее заслонила стена, и он ощутил, что пора просыпаться. Мрак тоже как-то ощутил, что за ним наблюдают, даже сквозь стену ощутил, волчара бдительный, просыпается, потягивается...

Олег вскочил, накинул одежду, посмотрел на себя критически в зеркало. Умное вытянутое лицо, в зеленых глазах все еще не выветрился страх и некоторое недоумение... вот уже сколько тысяч лет не может избавиться от этого немужественного выражения. Правда, женщины считают это признаком утонченности, одухотворенности, но он хотел бы выглядеть как Мрак, могучий и решительный Мрак, не знающий сомнений и колебаний Мрак...

Мелькнула мысль, что вот теперь-то он может выглядеть так, как хочет. Он может принять личину любого человека, а уж подправить свою собственную, так и вовсе пустячок, о котором не стоит раздумывать. Р-р-раз, и готово!

Он заколебался, ведь это Мрак вот так, раз, и готово, а

он – вечно рефлексирующий Олег, он по своей природе не может вот так, а если сможет, то это будет уже не Олег... Еще не Мрак, для Мрака надо много чего, но уже не будет Олегом.

Дверь в ванную распахнулась, ввалился заспанный Мрак. Выглядел он гораздо лучше, чем вчера, синева голодающей курицы спала, а впадины на щеках начали заполняться.

– Любуешься? – спросил он саркастически. – Если Ирму обидишь, я тебя сам удуш.

– Ирму? – переспросил Олег. – Это кто?.. А, твой подбренный птенчик... Нет, Мрак, мне не до бабс. Я стою на пороге такого великого и ужасного... а ты мне про самок этого человекообразного вида! Тьфу на тебя. Давай завтракать, а потом тебе надо поторопиться с полным контролем.

– Так у меня полный!

– Контролем надолго, – уточнил Олег. – А не только на то время, пока можешь задержать дыхание.

Мрак сказал, понизив голос:

– Тогда пойдем... здесь лесов нет, а тот не лес, одна смехота... но у меня есть подвал, о котором никто не знает. Даже Ирма. Прямое попадание атомной бомбы не заметит!

– А позавтракать? Ирма удивится...

Мрак оглянулся, сказал еще тише:

– Она видела, как я уже пошуровал в холодильнике.

– Ага, – сказал Олег. – Представляю, что там осталось. Не больше, чем в могиле Тмутарахапи после экспедиции неких

археологов.

Мрак сказал возмущенно:

– Поклеп! Не грабил я ее! Что это за хвост за мной тащится? Все собрал, составил опись, аккуратно перевез через океан...

– А потом упрятал в свою частную коллекцию? Пойдем, Ирма уже накрыла стол. Обидится, встревожится.

Мрак вздохнул и потащился за ним в столовую. Ирма счастливо заулыбалась им навстречу. Лицо Мрака посветлело, словно попало под луч теплого оранжевого солнца.

Глава 8

Столовая была украшена к их приходу, и Олег понял, что чистая трепетная девушка очень любит находиться в окружении отрезанных половых органов растений, в народе именуемых просто цветами. В ее комнате они стояли на телевизоре, на окошке, и даже на кухне ухитрилась поставить в крохотной вазочке эти предметы кастрации.

Здесь же цветы были повсюду, даже на столе. Олег знал, с чем подсознательно это связано, но большинство людей живут и благополучно умирают, так и не узнав, из чего крайне гадкого и постыдного это вышло и с чем сковано намертво, а он не собирается объяснять всем и каждому, как делал в молодости. Похоже, тогда он был занудой еще большим, чем сейчас считает себя. Нет, он себя и раньше не считал, но другие, такие невежественные и нетерпеливые...

Тем более, сказал он себе, не собирается объяснять этой Ирме, такой чистой и незащищенной, несмотря на свою отвагу, которую в себе находит.

Они ели в три горла, Ирма восхищалась и ужасалась точно так же, как здоровая и красноморденькая Каролина, что в отличие от Ирмы и не думала топиться или давиться, в базе своей женщины одинаковы, что есть зэр гут, ведь накормить мужчину – это и есть база. Накормить во всех смыслах.

Между первым и вторым блюдами ей приходилось срочно

бегать к холодильнику и микроволновке, мужчины «перекусывали», замаривали червячка, а после десерта Мрак объяснил Ирме, что у него с этим вот господином, он брезгливо ткнул в сторону Олега, некие неотложные дела, увел после завтрака Олега и заперся в кабинете. Олег сразу же просканировал помещение и, к разочарованию Мрака, направился к книжному шкафу.

– Гад, – сказал Мрак с сердцем, – никак тебя не удивишь?

– Прости, – сказал Олег искренне. – В следующий раз сделаю вид, что ничего не понял.

– Ты еще больший гад, чем я думал!

Книжный шкаф сдвинулся, открылась шахта лифта. Скоростной подъемник за пару минут доставил в подземный бункер. Оборудованный по последнему слову военной техники, он в самом деле не заметил бы ядерных ударов, разве что по показаниям приборов да по оплавленным камерам наружного наблюдения.

Олег одобрительно осматривался. Мрак натащил всякой аппаратуры столько, что хватило бы на целый научно-исследовательский институт. Интересно, разбирается ли хотя бы в половине?.. Он с новым любопытством присмотрелся к другу. То, что прикидывается лохматым мужичком, понятно. Но где прикидывается, а где в самом деле темный? Скорее всего, прикидывается везде.

До обеда они практически не замечали друг друга. Олег усиливал контроль над перестроенным... вернее, перестра-

иваемым телом, Мрак оттачивал глубокое погружение в себя любимого, замечательного, такого еще таинственного и, оказывается, непознанного.

В обед Олег вынырнул наверх, в благородной рассеянности позабыл про лифт, а попросту протиснулся через все бетонные перекрытия. Заодно и проверил, как взаимодействует его почти послушное тело с предметами повышенной плотности. Хреново, кстати, взаимодействовало. Быстрее бы на лифте, зря пижонил, а ссылки на благородную рассеянность – это сказочки для бедных на извилины и чересчур богатых на доверчивость.

Ирма говорила по телефону. Как Олег расслышал издали, заказывала привезти много мяса, самого лучшего, овощей и обязательно, слышите – обязательно! – молодого кабанчика. Нет, спасибо, зажарим здесь сами...

Он подстроился на расстоянии к линии, услышал и голос далекого менеджера, что принимал заказ, клялся исполнить точно в срок, их фирма работает с тысяча восемьсот... великолепная репутация...

Ирма обернулась на стук шагов, улыбнулась ему почти так же светло и радостно, как Мраку. Почти так же, но Олег все же заметил разницу, это просто отраженный свет. Как Луна сияет отраженным светом Солнца, так и ему перепадает от величия и благородства Мрака, не станет же такой замечательный человек возиться с откровенным отребьем?

Он потер руки, сказал бодренько:

– Обед скоро?

Она взглянула на часы, чуть улыбнулась, ответила чистым музыкальным голосом:

– Через двадцать минут. Господин Мрак установил время, мы его не меняем...

– Хорошо, – сказал Олег. – А то господин Мрак весьма проголодался.

Глаза Ирмы, большие и внимательные, смотрели с немым вопросом. Олег дружелюбно улыбнулся ей. Она перевела дух, сказала тихо:

– Вам грозит опасность?

– Ну что вы, – сказал он легко. – Мы просто немного устали. Чуть отдохнем, поедем дальше. У нас бывает трудная работа.

– Я понимаю, – ответила она тихо.

– Насчет работы?

– Вы вчера вернулись едва живыми, – произнесла она с легким упреком. – Особенно господин Мрак... Я никогда еще не видела его таким измученным.

– Но сегодня-то он как огурчик?

Ее глаза смотрели ему, казалось, прямо в душу.

– Да, – ответила она тихо. – Просто удивительно, как он может так быстро отдохнуть. И даже поправиться...

– Это иллюзия, – заверил он, хотя Мрак, конечно, ускорив метаболизм, за ночь набрал потерянные в полете десятки килограммов плоти. – Он просто отъелся и стал выгля-

деть... шире.

– Пусть так, – ответила она просто. – Я не знаю, кто вы... Сперва я думала, что Мрак – агент правительственных организаций, уж очень он силен и все умеет, потом... потом стала считать его пришельцем из других миров. Теперь вижу, что он не один. Ведь я сидела у окна, а мне видна та единственная дорога, по которой можно к нам подняться... На ней никто не появлялся с утра. Как вы оказались здесь? Но это не имеет значения. Я знаю, что вы оба... очень добрые. Мрак подобрал меня, как утопающего котенка, хотя кто я ему?.. И все еще возится. А он сам нуждается в помощи. Но как ему помочь?

Олег улыбнулся ей как можно дружелюбнее.

– Просто быть, – ответил он. – Этого достаточно.

Она покачала головой:

– Я хотела бы что-нибудь для него делать.

– Просто быть, – повторил он. – Чтобы ему было за что воевать и... куда возвращаться.

Он замолчал, Ирма проследила за его взглядом. Со стороны дороги к запертым воротам подъехала старенькая открытая легковушка, похожая на раздолбанный «Запорожец». В кузове покачивались два больших бидона, мертво застыли три ящика с молочными бутылками.

Ирма тронула пульт. Ворота раздвинулись, легковушка въехала во двор и остановилась перед подъездом.

– Молочник, – объяснила Ирма. – Господин Мрак очень

любит настоящее деревенское молоко. Даже если его нет, он велит покупать ежедневно свежее молоко, сметану и творог.

Олег скупо улыбнулся. Здесь любая фраза начинается со слов: «Господин Мрак изволит...»

Молочник, молодой чернявый парень, вытащил большую литровую бутыль молока, такую же банку со сметаной и еще банку – с творогом. Его глаза удивленно расширились, когда он увидел Олега рядом с Ирмой. Торопливо поклонился, сказал заискивающе:

– Я привез все, что заказывает господин... э-э... Темный. Я рад... да что там рад, я просто счастлив, что у него гости...

Олег, насторожившись, поинтересовался:

– Чему? Что-то случилось?

Молочник быстро скользнул по нему взглядом, и Олег отметил, что глаза у молочника профессионально цепкие. Лицо тоже больше подошло бы агенту по особым поручениям, которому очень важно не привлекать внимания.

– Нет, – заверил молочник торопливо, – просто господин Темный исчезает так внезапно... А мы зарабатываем тем, что доставляем молоко на дом, яйца. Зелень... Потеря даже одного клиента – это заметно! А когда вместо одного – двое, это добавочный заработок.

– Да, – согласился Олег. Он подумал, что теперь и в России точно те же проблемы. Во всяком случае, Каролина радуется новому человеку из тех же соображений. – Вы все время обслуживаете этот район?

Молочник заколебался, но, взглянув на Ирму, решил, что ложь проверить легко, сказал тише:

– Раньше здесь работал мой троюродный брат... Но на прошлой неделе он приболел. Чтобы не терять клиентуру, его работу сейчас делаю я.

– Хорошо поступаете, – ободрил Олег.

Ирма расплатилась, довольно щедро, молочник удалился, громко рассыпаясь в благодарностях. Олег покачал головой и направился в столовую. Из кабинета появился Мрак, ревниво посмотрел на Олега с Ирмой, нахмурился, но ничего не сказал.

Олег покачал головой, что это с Мраком, поманил его в сторону.

– Ну?

– Краткость, – восхитился Мрак, – сестра таланта, хоть и теща гонорара. Что значит твое загадочное и мудрое мычание?

– Как? – спросил Олег. – Отдышался? Готов идти дальше?

– А ты?

Олег помрачнел.

– А я уперся в какую-то стену. Не знаю, как шагнуть дальше... Одно дело – знать, другое – ощутить. Знание может быть и абстрактным. Я могу знать, что я из атомов, а сам в это время лежу на мягком диване с книжечкой в руках, смотрю по ящику мыльную оперу, пользую раскрепощенных женщин, загораю на солнышке и катаюсь на велосипеде...

При такой жизни знания – одно, а реальная жизнь – другое. А сейчас надо именно ощутить... Как же Ирма?

Мрак вытаращил глаза.

– Ну у тебя и переходики!.. Я не успеваю за твоими мудростями следить. При чем тут Ирма?

– Ведь она и сейчас живет в иллюзорном мире. Еще больше в иллюзорном, чем остальные. Те хоть знают про грязь, предательство, обман... а ее ты оберегаешь даже от таких открытий. А уж про атомы хоть не заикайся!

Мрак сказал поспешно:

– И не заикнись.

– Ну вот.

– Что «ну вот»? Что «ну вот»?

– Мы пробуем увидеть мир, – сказал Олег, – каков он есть. Боюсь, что в этом случае мы и на близких посмотрим другими глазами. А стоит ли?.. Ведь нам очень хорошо в этом мире. Мы устроены, как никто другой. В смысле благополучия.

Мрак зябко повел плечами.

– Да уж...

– Да, для того чтобы пользоваться телевизором или холодильником, вовсе не обязательно знать его устройство. Но для того чтобы их делать – знать надо. И чтобы совершенствовать – надо знать очень хорошо. Мы можем потом построить всякие нуль-передающие станции, чтобы «простые люди» могли без всяких стрессов путешествовать с планеты на планету и даже из одной звездной системы в другую. Но

чтобы кому-то из них стать подобным нам... я имею в виду, перейти на атомарный уровень, им нужно суметь заглянуть в себя... и выдержать это зрелище. Более того, выдержать, смириться или сжиться с ним, а уж потом начать управлять своей атомарной структурой, как тот мальчишка умеет шевелить ушами.

– Ха, – сказал Мрак хмуро. – Если у меня вон какие пузыри по всей коже, то что другим?

Олег посмотрел, предположил:

– Это комары накусили.

– Меня? – изумился Мрак. – Комары?

– Ну тогда какая-то сыпь, – сказал Олег брезгливо. – Не заразная, надеюсь?..

На третий день в этом уютном домике Олег ощутил, что хотя вглубь пока не удастся сделать ни шага, но перестраивается все с большей легкостью, а частое повторение одних и тех же действий перевело их в стадию рефлексов. Правда, потреблял энергии чудовищно много, и, чтобы не привлекать внимания, выел в бункере, отдыхая, половину бетонного пола. Конечно, когда поднимались на обед и ужин, ел с ножом и вилкой, пользовался салфеткой, похваливал кулинарные таланты прекрасной хозяйки, хотя, если честно, готовила старательно, но неумело, чересчур артистичная душа. Мрак натужно улыбался, поглядывал на друга ревниво и предостерегающе.

Через неделю у него, Мрака, начал получаться устойчивый переход на кремнийорганику, а еще через два смог полчаса просуществовать на металлической основе. Потом что-то не так подумал, и паника вышвырнула его обратно в человеческое тело, такое слабое, беспомощное, жалкое в сравнении с той гремящей мощью, что только что ощущал во всем теле.

Мрак задыхался, всхлипывал от пережитого ужаса, а когда оклемался, признался дрожащим голосом:

– Если честно... то в самом деле большего страха не знал! Не всякий представит себя даже из костей и мяса, хотя ежедневно видит в зеркале. Вот мальчишка из соседнего дома отказался ходить на балет и вообще впал в депрессию, когда с ужасом узнал, что балерины тоже какают, как и дворники. У меня, честно, тоже была депрессия... не смейся, гад, это ты виноват!.. когда я впервые о щ у т и л, что я весь из атомов. Из таких же точно, что и мебель в доме. Или земля под ногами. Я тогда тебе не признался, но... Да знаю, что ты все равно догадался! Но я все-таки не признался, попер дальше. Но всякий раз дрожь берет, когда понимаю: всего-то разницы между мною и землей под ногами – что атомы сцепились чуть-чуть по-другому. И сцепись иначе – был бы не я, а скажем, табуретка.

Олег слушал, кивал сочувственно.

– Табуретка, – сказал он кротко, – это тоже хорошо.

– Чего? – прорычал Мрак.

– Говорю, табуретка, а не... ладно, смолчу. А вот мне было гадко, когда я ощутил, что эти атомы, о которых ты с таким... гм, неудовольствием, висят в пустоте, один от другого на расстоянии подальше, чем муха с кремлевской башни от мухи с Эмпайр-Стейт-Билдинга. А я весь в основном пустота... Внутри меня – космос. Атомы один от другого, мои атомы! – на звездных расстояниях.

Мрак дернулся, побледнел. У него вид был такой, что сейчас сотворит крестное знамение.

– Еще и такое представлять?.. Нет, у меня нервы не настолько железные.

– Укрепи, – посоветовал Олег мягко. – Без этого не получится.

– Ладно. А потом?

– Ты почувствуешь, – сказал Олег загадочно. – Это как мышцы, что двигают ушами. У всех есть, но немногие могут их нащупать. Как нащупать – объяснить трудно. Вслушайся. Вслушайся очень внимательно.

На восьмой день снизу на дороге показались три легковые машины. На этой дороге, как говорила Ирма, и одна редкость, а три – это совсем чудо. Олег, который все видел и все замечал, спустился вниз, беглым взглядом окинул веранду. Только один стол в тени, от карабкающихся по стене виноградных лоз пахнет свежестью, воздух чист, насыщен солоноватым ароматом моря.

Он придвинул ногой стул, ушел в полосу незримости для простой оптики и, развалившись в удобном плетеном кресле, потихоньку отщипывал крупные ягоды с виноградной грозди.

Ничего не поделаешь, мелькнула взъерошенная мысль, от инстинктов отказаться соблазнительно, но... Можно сказать, рискованно. Может быть, на самом деле и не рискованно, но он – трус. Лучше сто раз перестраخуется. Мраку можно не говорить, высмеет, лучше придумать что-то другое, более напыщенное, возвышенное. И красивое, героическое – с этой наживкой он проглотит все, что угодно.

Машины поднимались по серпантину уверенно, но без суеты, излишней бравады или лихости. Чувствовалось, что за рулем люди опытные, солидные. Или же с заднего сиденья им подают распоряжения люди опытные и солидные. Олег на миг переключился на гамма-зрение, тут же вернулся в обычный диапазон, смотреть непривычно и неприятно, но в мозг уже ушла на опознание и обработку очень странная картинка. С такого расстояния что-то особенное разобрать трудно, но, судя по тому, что в передней машине только двое: шофер и один на заднем сиденье, а в двух следующих – по четверо человек, едут люди, настроенные решительно. Либо уже представляющие, что такое Мрак, либо желающие показать свою мощь. В этом случае десять могучих лбов, что выйдут из машины и встанут в ряд, могут произвести впечатление. А ребята могучие, можно судить по толщине костей, уровню

кальция и размерам грудных клеток. Да и черепа чуть ли не литые...

Издали донесся долгий гудок. Машины поднялись на плато, двигаются к решетчатым воротам. Гудела передняя машина, остальные двигались в молчании. Это были черного цвета «Мерседесы» с затемненными стеклами.

Мрак вышел на веранду, всмотрелся удивленно. Дурака строит, что ли, подумал Олег раздраженно. Должен бы знать, кто это. Ну не может, волчара, с кем-то местным не поцапаться.

Рука Мрака сделала короткое движение, створки ворот пошли в стороны. Без пульта открыл, понял Олег с хмурым удовлетворением. Все-таки что-то уже умеет, до ворот не меньше двух десятков шагов...

Машины въехали во двор все три. Потом, словно по сигналу, распахнули все дверцы. И разом по обе стороны выросли крепкие парни в приличных костюмах. Толстые, накачанные, с бычьими шеями, уверенные. Из передней машины неспешно вылез еще один – толстяк, постарше, одет тщательно, галстук подобран под цвет носков и платка в нагрудном кармане.

Он постоял мгновение неподвижно. Не двигались и мужчины, все давали возможность оценить их мощь и прийти к выводу, что с ними спорить опасно. Можно только соглашаться. Сразу. Во всем.

Наконец мужчина шевельнулся, больше никто не двигался.

ся. Это было красиво и многозначительно, каждое движение словно отшлифовано долгими тренировками.

Мрак хмуро наблюдал, как мужчина неторопливыми шагами пересек двор и остановился. Смотреть гостю приходилось снизу вверх, по лицу промелькнула легкая гримаска раздражения.

– Меня зовут Мартин Скорцези, – сказал он. – Я представляю сеньора Веласкузи...

– Дона Веласкузи, – буркнул Мрак.

– Как хотите, – легко согласился Скорцези. – Это вы его так называли, не я. У меня к вам, сеньор Темный, серьезное предложение...

– От дона Веласкузи, – сказал Мрак так же сумрачно. Скорцези поморщился.

– Зачем так часто упоминать уважаемых людей? – сказал он уклончиво. – Проще будет, если мы решим все здесь. Вы и я.

Мрак кивнул на молчаливых наблюдателей:

– А они?

Толстяк оглянулся с таким удивлением, словно только сейчас обнаружил, что прибыл не пешком. Молодцы в костюмах стояли неподвижно, но время от времени напрягали мышцы, чтобы под эластичной тканью перекачивались шары мускулов.

– Они ничего не видят, – заверил Скорцези жизнерадостно, – и не слышат. Не обращайтесь внимания...

– Ладно, – прорычал Мрак, – что у вас? Выкладывайте быстрее да выкатывайтесь.

Он украдкой посматривал по сторонам. Можно было подумать, что он тревожится за подкрадывающихся сзади, но Олег с некоторым злорадством понимал, что именно тревожит оборотня. Он поставил легкий экран, чтобы Мрак видел даже в тех диапазонах, которые ему доступны, лишь пустой столик и пустое кресло. А то, что виноградин становится все меньше, может и не заметить.

Скорцеци спросил вопросительно:

– Может быть, пройдем в дом? Посидим за хорошим вином, все обсудим...

Мрак покачал головой:

– Нет.

– Вы напрасно так упорствуете, – сказал Скорцеци.

– Не думаю, – ответил Мрак.

– Уверены?

– Уверен, – рыкнул Мрак. – Не хотите выкладывать сейчас, выкатывайтесь!

Толстяк смолчал, покосился на своих молодцов. Те застыли в неподвижности, но было видно, что готовы взорваться, как гранаты с выдернутой чекой. Молчание затянулось, становилось все напряженнее и напряженнее, Олег слышал над головой частое дыхание Ирмы. Она оперлась на перила обеими руками, в ее расширенных глазах был откровенный ужас.

Мрак шелохнулся и начал спускаться по ступенькам. Он держался спокойно, двигался замедленно, однако, похоже, все ощутили угрозу в его неторопливых движениях.

– Итак, – сказал Мрак, – в последний раз спрашиваю... что вы хотите?

Толстяк мужественно выдерживал его приближение, но, когда между ними осталось не больше трех шагов, торопливо отступил. Одновременно по двое крепких ребят шагнули с обеих сторон Скорцеци и встали рядом. Скорцеци остановился. Молодцы очень внимательно следили за руками Мрака.

– Если мы не можем говорить здесь, – сказал Скорцеци торопливо, – то мне велено доставить вас к дону Веласкузи.

– Меня уже однажды приглашали, – проговорил Мрак.

Краска начала покидать лицо толстяка. Он пробормотал:

– Мы не знаем, что там случилось... Возможно, те ребята были пьяны... Или перебили друг друга. Но эти вот парни – они совершенно трезвые. И с ними такое не случится.

Мрак буркнул:

– С ними может случиться другое.

Толстяк насторожился, взгляд его быстро скользнул по крыше, по окнам, прикрытым жалюзи.

– Что?.. С вами только один человек.

Мрак криво усмехнулся:

– Если бы вы знали, что это за человек... Словом, ребята, значитца так. Вы сейчас убираетесь отсюда... и забудете сю-

да дорогу. А за это я обещаю вас не трогать.

На каменных лицах молодцов появились улыбки. Толстяк сдержанно усмехнулся:

– Сеньор Темный... я не хочу был невежливым, у меня другой ранг, но должен заметить, что вы перегнули. Это лучшие бойцы...

Олег видел, что Мраку то ли надоело пустое пререкание, то ли он устыдился, что пререкается с мелким местным гангстером, вместо того чтобы раскачивать атомную решетку своей шкуры.

– Ага, – сказал Мрак как можно равнодушнее, – бойцы... Сколько вас? Вдесятером? Вы бы еще полк привели...

Не отвечая, Скорцеzi коротко и быстро замахнулся, но это был лишь отвлекающий маневр, а ударил он сильно и жестоко ногой. Мрак легко парировал, а сам кулаком без всяких фокусов ударил дурака в лицо. Скорцеzi отлетел к воротам, грохнулся, слышно было, как хрустнули кости. Он сполз на землю, кровь хлынула изо рта и ушей.

– Ну, – сказал Мрак, – вас осталось девять. Может, не стоит?

Они даже не переглянулись, взгляды цепко на нем, приближаются медленно, но Мрак уловил сзади словно бы потепление воздуха, одновременно ноздрей достиг запах мужского пота, что нарисовал в цвете фигуру рослого бойца, вот он уже коротко и сильно замахнулся...

И наткнулся на жестокий удар локтем в грудь. Кости за-

трещали и вмялись, осколок одной пробил сердце. Боец побелел от страшной боли, колени подогнулись, он рухнул вниз лицом. Под ним сразу начала растекаться красная лужа.

– Восемь, – произнес Мрак. – Ну, разойдемся по-доброму?

На этот раз они переглянулись, в их лицах он видел стыд и злую решимость. Щас бросятся все, мелькнула мысль. На фиг это позерство, их больше, он имеет право бить первым.

Он ступил в сторону, одновременно давая волю звериным рефлексам, ударил, подпрыгнул, ударил обеими ногами, упал и там с пола подсек двоих так, что уже не встанут на перебитых коленях. Они набросились все, били свирепо, люто, умело, обрушивали страшные удары ребром ладони, стопой, локтями, уже не стараясь только покалечить и в таком виде приволочь к боссу, теперь били насмерть, и он тоже бил насмерть, принимал удары на плечи, спину, локти, чувствовал, что покрывается кровоподтеками, но все же ни разу не дал ударить по чему-то важному, а вокруг был хруст костей, чмокающие удары, всхлипы, когда страшный удар ломал ребра и вышибал дыхание.

На какое-то время он вообще скрылся под грудой тел, это когда рухнул на пол и подсекал их ногами, но, когда он вскочил, перед ним остались только двое, и он двумя точными ударами холодно и жестоко убил обоих.

Он все еще с недоумением озирался по сторонам, когда появился Олег, сказал раздраженно:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.